

ПЛАНЕТА

без

ИМЕНИ

**ВАДИМ
ПАНАСЕНКОВ**

Освоение неизвестных планет считается одним из самых опасных занятий. Зачастую сопровождаемые смертью и неизвестными науке заболеваниями. Терять специалистов никому не хотелось, поэтому власти решили исправить данную оплошность и минимизировать риски. Было решено отправлять на такие планеты заключенных, и дело сразу начало продвигаться вперед. Диким неизученным планетам присваивался номерной индекс, а когда планету признавали пригодной для жизни, ей давали имя.

Начинается книга из прибытия заключенных на странную планету, которая за десятилетия освоения все еще носила номерной индекс...

Глава 1: Отправка

Я и сам не знаю, как меня угораздило оказаться в нынешнем положении. Хотя, казалось бы, времени для обдумывания и анализа тех трагичных событий было предостаточно. Полтора года скитаний по следственным изоляторам и карцерам, и вот я здесь... в конечной точке.

А возможно, это только начало...

— Исаев Анатолий Вячеславович? — Услышав свое имя, поднял голову.

Передо мной стоял отталкивающего вида уже не молодой человек с крысиным взглядом и расплывшимися по шинели щеками. При этом он постоянно что-то жевал и причмокивал.

— А? — Выбираясь из собственных мыслей, промолвил я.

Нужно было видеть его лицо в этот момент. Мужчина пригладил свою военную форму и прищурился. Так он еще больше стал походить на крысу. После чего неторопливо повторил.

— Исаев Анатолий Вячеславович? — Зачитал с электронного планшета, который тот держал в правой руке.

Я лишь кивнул головой, но и этого оказалось достаточно, чтоб от меня наконец-то отстали. Крысиноголовый побрел дальше. Ну а я снова намеревался погрузиться в собственные мысли, чтобы проанализировать события, которые и привели меня туда, где я оказался...

— Ты из мажоров, чтоль?

Голос врезался в мозг так внезапно и громко, что от неожиданности я вздрогнул и отодвинулся в сторону. Раздался звон металлических браслетов. Оковы больно впились в запястья и шею, давая понять, чтобы я сидел на месте и не рыпался. Не знаю, что именно позабавило заговорившего: мой испуг, или же моя неуклюжесть, или то, что меня чуть не задушили собственные браслеты, но верзила сидел и ехидно улыбался, выставляя напоказ гнилые зубы. Размеры заговорившего со мной впечатляли и пугали одновременно. Только от одного вида бросало в дрожь. Он больше походил на орангутанга, чем на человека. Длинные ручищи, кирпичная челюсть, мускулистое тело. Шрамы на теле и лице так же присутствовали.

— Я таких, как ты, за километр вижу. — В его голосе чувствовалась неприязнь. Но чем я мог ему не угодить? Мы же даже не знакомы?

Чтобы не нарываться на неприятности, я решил промолчать. Но громила не отставал:

— Белые ручонки, целые зубы, даже морщин на лице нет. Сразу понятно, кто ты и что ты!

Мне не понравилось, что меня рассматривают, будто я экспонат или же картина. И что означает его; «теперь понятно, кто ты»?

— В жизни тебе давалось все легко и непринужденно. — Верзила откинулся на спинку кресла. Его взгляд был направлен в потолок. — Ну а я жил в трущобах и готов был убить за кусок хлеба. — Тут верзила повернул голову, и взгляд, полный ненависти, буквально впился в меня мертвой удавкой. А его вопрос обескуражил и вывел из равновесия. — Ты когда-нибудь убивал за кусок хлеба?

Вопрос предназначался мне, но я не мог на него ответить, не обидев при этом собеседника. Так как "убить за кусок хлеба" звучало нерационально и нелепо. Учитывая размеры преступника, ему этот кусок явно не поможет.

Громила сжал пудовые кулачищи и заорал, брызжа слюной:

— ГОВОРИ! — Настоял он.

Я вздрогнул. Этот разговор мне не нравился. Так же не нравился и этот парень, сидящий всего лишь в нескольких шагах от меня. И если бы не браслеты, сковывающие движения, то он мог бы наброситься. Нет, не так... он бы точно набросился.

— Я не убийца, — признался я.

— Да? — Удивился здоровяк. — Тогда, что ты здесь делаешь?

И действительно, в трюме с другими преступниками закованный в цепи... что же я здесь делаю?

— Я... я... я не виноват!

Мне уже надоело повторять одно и то же: вначале копам, затем щеголеватым прокурорам, а после судьям и, наконец — присяжным! Никто не поверил... никто...

— Эй, мажор! А знаешь, что самое смешное? — Улыбнулся громила.

— И что же?

— Несмотря на твой статус... — здоровяк сделал паузу, так как перекличка закончилась, и лишние военные покинули корабль. Остались лишь несколько надзирателей, после чего убрался трап и захлопнулась дверь. — ... несмотря на это, ты и я оказались в одной лодке.

Сквозь смех я слышал, как загудели двигатели. Натужно и тяжело они начали набирать темп, и вскоре корабль качнуло.

— Вот мы и полетели, — всхлипнул бледнолицый мужичонка, имевший костлявое телосложение и болезненный вид. — Мне страшно... страшно...

— Да успокойся ты! — Прикрикнул на худощавого еще один заключенный, сидевший в середине. Выглядел он как бы верзила выразился, как мажор. Чистая кожа, дорогая укладка, даже маникюр имелся. — И без тебя тошно...

— О, еще один мажор! — обрадовался громила.

А я лишь отметил про себя, что этот человек был до невозможности предсказуем.

Охрана, казалось, забив на все, усердно делала вид что спит, и разговоры заключенных их не касаются.

— Я не мажор, — тот, кого называли мажором, брезгливо поджал нижнюю губу. Да и вообще, вел он себя развязно и по-хамски. — Я депутат, между прочим! И требую к себе хоть капельку уважения.

— Неее, здесь ты МАЖОР! — Шкерясь, заявил громила. — Хотя, если ты дохрен богатый, то действительно пригодишься.

— Те, кто не будет мне перечить, тому обещаю беззаботную жизнь, — депутат, он и есть депутат. Даже здесь умудрился провести предвыборную агитацию.

— Это мы еще посмотрим. — Оскалился бандит из трущоб.

Разговор прервал включившийся монитор, где красовалось лицо девушки которая, будто бы сошла прямиком с обложек журнала «наука и жизнь». В доказательство этому девушка еще и заговорила лекторским тоном:

«Приветствую вас, узники! вы находитесь на корабле, который везет вас в настоящую сказку. И хочу поведать, что вам выпала великая честь и возможность послужить на благо своему государству. Ведь каждый из вас мечтает заполучить второй шанс и встать на путь исправления. И он у вас есть. С этого момента вы не просто заключенные, а исследователи».

— Чушь! — Высказался смуглый парнишка лет так двадцати пяти, не больше. Я заметил

на его голове шоферскую кепку. Видимо, он когда-то был водителем, или же механиком. — Честь говорят... а как же... так я и поверил!

«Я уверена в том, что вы слышали о инновационной программе по терраформированию и освоению новых планет. И, именно вам выпал шанс освоить очередную планету и записать свое имя в аналогии истории. В наше время быть первооткрывателем не только почетно, но и выгодно. Вы осваиваете планету, мы даем вам деньги и свободу» — девушка с экрана мило улыбалась. А я сидел и думал: как я из бизнесмена, у которого было все, скатился до исследователя? Опустив взгляд, я оглядел свои запястья, которые сковывали цепи и наручники, — "так себе исследователь, если честно", — подумал я.

— Кто знает, куда нас везут? — Говоривший еще больше походил на уголовника, чем кирпичебородый. В нем ощущался дух зоны, человек с тяжким жизненным опытом и волчьим взглядом. А из-под его одежды проглядывались татуировки— Столько ходок, а первый раз попадаю в такой просак.

Уголовник сплюнул на пол. Это было отвратительно и я отвернулся.

— Да какая разница, — верзила закинул ногу на ногу, всем своим видом давая понять, насколько ему наплевать на все правила, да и на девушку с экрана, в принципе, тоже. — Закинут на безлюдную планету и выживай, как хочешь. Захочешь есть — будешь жрать местные деликатесы или они тебя.

От этих слов бледный мужичонка едва не упал в обморок.

А тем временем девушка продолжала говорить:

«Так же вам дается право остаться на планете и принять активное участие в её освоении. Признайтесь же, это лучше, чем снова возвращаться в злобный к вам мир. Вдруг, именно здесь, вы ощутите себя как дома!»

Заключенные несмело начали выдавать гипотезы и выстраивать теории. Это длилось недолго, ровно до того момента, пока слово не взял депутат:

— Из источников я понял, что нас везут на планету, которой уже на протяжении десяти лет не имеет своего названия. — Депутат явно знал больше нашего и не удивительно. Все же даже здесь он имел некое влияние.

— И че с того? — Огрызнулся обезьяноподобный. — Какое нам дело до имени. К тому же, если десять лет прошло, то инфраструктура хорошо налажена, и нам не придется с голыми задницами лазить по деревьям.

В чем-то громила прав. Тераформирование уже запущено и за такой долгий срок там можно возвести целые города. Благо технологии позволяют строить дома в кратчайшие сроки. Да и попасть в цивилизованный мир как-то больше привлекало, чем палатки и костры.

— П... планеты... терроформируются около трех лет максимум. — Заикаясь, начал пояснять бледнолицый. — За этот срок уже становится ясно пригодна она к... к проживанию или же нет.

— Короче, Склифосовский. — Потребовал, верзила.

— Я... я хочу сказать, что десять лет... это оч... очень много... — закончив речь, мужичонка вытер со лба пот и начал затравлено озираться.

— Так и знал, что нас везут в кую-то задницу, — пробормотал уголовник. Видимо и вправду он имел за плечами опыт в подобных делах. — Не спроста вся эта конспирация. Да и девка эта с экрана чушь несет, заливаает похлеще следака!

«... Ваш опыт, безусловно, поможет и далее заниматься изучением неизвестных планет.

Удачи вам, исследователи!»

Изображение исчезло. Пропала и девушка, оставив «исследователей» наедине со своими мыслями. Этой участи не избежал и я. Поэтому, погрузившись в мысли, я начал обмозговывать услышанное: с одной стороны, нас не везут в какую-то суровую колонию, а предлагается альтернатива, более легкая мера пресечения. Эдакий курорт, если климат того позволит. Если нет, то не беда. Прорвусь как-нибудь не в первой уже! В бизнесе так же бывали подводные камни, и ничего, держался ж на плаву и сейчас не пропаду! Были и свои минусы. И сейчас один такой огромный минус сидел рядом со мной и то и дело бросал на меня взгляды. Надеюсь, его усадят тут же в карцер и не будут выпускать до моего освобождения.

Корабль мирно плыл в космосе, везя своих пассажиров на новое место жительства. На планету, у которой не было имени.

Глава 2: Прибытие

«Вы прибываете на планету P1375, будьте осторожны, скоро корабль начнет входить в атмосферу. Возможна легкая турбулентность, поэтому для собственной безопасности прижмитесь к креслам и расслабитесь».

Кресло было жестким и неудобным, будто спина оперлась на голые доски, причем с торчащими гвоздями наружу. Откуда-то сверху опустился поручень, который намертво зафиксировал меня в одном положении. Действительно, появилась тряска, от которой заключенные болтались туда-сюда будто мешки с картошкой.

Жаль только, что не было смотровых окон, и возможности увидеть планету не было. Оставалось лишь фантазировать и рисовать в голове возможные картинки, мечтая о том, какими же пейзажами встретит нас «планета без названия». В этот момент я ощущал себя ребенком. Внутри все сжималось, а сердце билось сильнее и сильнее. Подобных эмоций уже давно не испытывал, утраченные чувства вновь начали одолевать окаменевшее сердце. И если бы не цепи и странные личности вокруг, я был бы рад подобному путешествию. Да, именно что рад!

«Происходит посадка, еще немного, и вы прибудете в пункт назначения» — Оповестил нас механический голос бортового компьютера.

Шум двигателей стих, пропала та натужность. Видимо, мы переключились на маломощные маневровые двигатели и теперь плавно опускались на поверхность. Пассажиры косились друг на друга, но ничего не говорили, все же некая нервозность витала в воздухе. Даже спокойный до этого момента громила начал елозить задом по креслу.

Вибрация корпуса усиливалась, и я машинально схватился за удерживающие меня поручни.

— Не ссы, мажор! — Крикнул здоровяк, пытаясь перекричать шум и скрежет. — Все там будем!

— Где? — Не понял я.

— А аду! — Смех заполнил все пространство.

— Мне кажется, что мы и так там. — Бледнолицый сложил руки на груди и начал молиться.

В наше время редко увидишь верующего человека, — подумал я, — Хотя в моменты опасности верующими становятся даже отъявленные атеисты.

Но все обошлось. Корабль приземлился, как того и требовалось. Затихли уже поднадоевшие за время перелета двигатели, после чего активизировались конвоиры. Военные в форме засуетились и направились к выходу.

«Добро пожаловать на планету P1375, исследователи! Вскоре фиксация отключится, и вы сможете покинуть корабль. Главное, помните: не толкайтесь и ведите себя прилично».

Компьютерный голос умолк, и тут же произошла деактивация поручней. Подарив свободу мне и остальным заключенным. Мы снова обрели способность двигаться. Правда, браслеты никуда не делись, а все так же служили неким украшением на теле...

У выхода столпилось много народа, которым не терпелось покинуть этот неудобный корабль. Рогатый скот только в таких консервных банках перевозить, да и только. Это вам не бизнес класс и даже не эконом. Правда, я никогда и не пользовался эконом классами, выбирая при перелетах лишь комфорт и удобство. Неудивительно, что после долгого

перелета у меня затекла и разболелась спина.

Дверь открылась, и тут же лавина из тел начала двигаться к выходу. К моему большому сожалению, когда пришла моя очередь покинуть корабль, снаружи я планеты не увидел. Лишь холодный металл, уставшие заключенные и невозмутимые конвоиры. А еще странный воздух, от пару вдохов которого начинала кружиться голова. Непривычная атмосфера сразу давала о себе знать. Главное, чтоб это был временный, а не постоянный эффект...

— Тридцать заключенных прибыло в пункт назначения. — Конвоир связался с кем-то по рации. — Хорошо, отведем их в распределитель.

Конвоир махнул рукой, и шеренга из тридцати человек двинулась следом. Колонна наша чем-то напоминала большую змею, которая растянулась вдоль всего тоннеля. Голова условной твари пестрила зеленоватыми оттенками, разбавленная военной формой, а тело — оранжевое до самого хвоста. Только и слышался звон цепей. Странно, но звон казался не таким привычным. Он имел другую структуру, иной тон. Или мне это просто казалось. В этом планета виновата или же сказывалась усталость? Разбираться в данном феномене мне не хотелось.

Впереди маячила спина депутата. Лица его я не видел, но ухоженная укладка волос и приятно пахнущая кожа не давала усомниться, что это был именно он. Интересно, как его угораздило попасть сюда? Убил кого-то или же перешел не тому дорогу? А может и подставили. Просто убрали с пути, заслав в самый дальний уголок галактики. Тут я себя остановил: да какая разница, у всех, кто в сенате, рыло-то в пушку. Подставили или же нет, была бы моя воля, я бы их всех сослал сюда! И тут я задумался! Странно, ведь раньше за собой такой злости не замечал. Наверное, это все из-за этой ноющей боли в висках.

Голова действительно раскалывалась, и каждый шаг отдавался непосредственно в коре головного мозга.

Тоннель не заканчивался. Он казался бесконечным. Создавалось впечатление, будто мы топчемся на месте. Но нет же! Я посмотрел вниз и явно видел, как мелькали на полу розовые линии. Мы движемся. Но куда? Кажется, конвоир говорил о распределителе. Так вот куда мы идем! А стены все не заканчивались: Один фонарь, второй фонарь, третий фонарь... я уже начал считать фонари, которые служили освещением. Шестой фонарь....

— Мажор!

Я подпрыгнул, как же меня пугал этот житель трущоб. Сердце уходило в пятки, когда он обращался ко мне. Я даже слышал его скверное дыхание на своей шее.

— Мажор! Ты че, оглох?

— Ну, чего тебе? — Угрюмо спросил я. И мысленно приготовился к очередным нападкам и готов был дать словесный отпор.

— Сколько мы идем, ты знаешь?

— Тридцать фонарей, — машинально ответил я. — Тридцать один... тридцать два...

— У меня 80 пунктирных линий. — Сзади послышался тяжелый вздох. — Но такое чувство, будто мы на одном месте топчемся...

— Так ты тоже это заметил! — Воскликнул я и тут же прикусил язык, так как на меня обратил внимание один из конвоиров.

— Не нравится мне это. — Сказав это, амбал умолк.

Значит, я не один здесь, кого одолевают странные чувства и ощущения. Это не сумасшествие — уже радовало, а значит, я мучаюсь не простой головной болью. Это все из-за климата! Акклиматизация, будь она не ладна! Обычно на это уходит несколько дней.

Человечество уже открыло сотни планет и еще столько же ждут своего часа. Мы как те тараканы, находим лазейку и тут же бежим устраивать базы, города, а после присасываемся к планетам, высасывая из ее недр все, что только можно. Свою же планету Земля мы давно угробили и теперь движемся дальше, ведомые лишь амбициями и жадностью. Вон, такие же депутаты, как впереди идущий и устраивают настоящий геноцид чужими руками. Я взглянул на свои руки, на которых висели браслеты, — Моими руками...

Нам приказали остановиться. Я выглянул из-за спины депутата и увидел в конце шеренги стол, за которым восседал какой-то тип в клетчатой рубашке. На военного он не походил. Наверное, какой-нибудь канцелярский работник, в обязанности которого входило регистрация новопривывших. Одним словом, канцелярская крыса.

— Бюрократия. — Буркнул я, понимая, что это может быть надолго.

— Истинно правильные слова. — Раздался голос позади амбала.

Я его узнал. Голос принадлежал бледнолицему немощному мужичонку.

— Нет бы каждому из нас вживить чип, и он бы сканировал данные, не задерживая колонну. Но нет, лучше посадить одного человека на тридцать рыл. Это я понимаю, прогресс.

— А куда тебе спешить, старик? — А этот голос принадлежал молодому парню, который так же общался на корабле. — Я предпочту стоять здесь, чем переступить порог этой базы. Меня пугает то, что находится за той дверью.

Я снова выглянул из-за плеча депутата: первые заключенные подходили к работнику, тот что-то спрашивал, те отвечали и проходили в дверь. Что же там находится? Чего так опасался парень? Я начал накручивать себя, перебирая в голове варианты. В конце концов, это привело к тому, что воображение начало рисовать вместо двери огромную зубастую пасть. Она захлопывалась сразу же, как только внутрь входил человек, и начинала его пережевывать, пуская по полу слюни. Я встряхнул головой, и наваждение исчезло.

Наша компания располагалась практически в самом конце колонны, а очередь двигалась черепашим ходом.

— Мне... мне уже все равно, — запинаясь, произнес тощий старик. Хотя он и не старик вовсе, просто плохо выглядел. — Голова скоро взорвется, вы, если что, держитесь подальше, чтоб случайно на вас не задело.

— Брось, старик! — Зарычал житель трущоб. — И без твоего нытья тошно!

— Я... я всего лишь предупредил, а вы как знаете, — Заскулил тощих заключенный и умолк.

Неужели бледнолицый действительно верил, что его голова может взорваться? У меня вот тоже голова трещит, но это не означает, что она может рвануть в любой момент, будто переспевший фрукт.

Мы еще прошли несколько шагов и остановились.

Затекло тело особенно, это касалось ног, и я начал переминаясь. Немного полегчало. Даже голова поутихла. Вскоре по туннелю пронесся крик. Я уже думал, это взрывается голова старика, но нет. Мимо пробежал заключенный в оранжевой форме и в браслетах. Забег длился недолго, так как браслет на шее загорелся красным, а затем сжался. Подобное зрелище я видел впервые! Глаза вылезли наружу, надулись и покрылись красными жилами. Казалось, вот-вот и они лопнут. Я зажмурился и когда открыл глаза, заключенный лежал на полу и не шевелился. Смерть... он умер. Понимание пришло не сразу. Я все надеялся, что парень встанет, отряхнется и пойдет на свое место. Но он не шевелился.

— Эй... — я тихо окликнул лежащего.

Но тот ничего не ответил.

— Эй... вставай, — повторил я.

Выйдя из строя, я начал двигаться в сторону лежащего. Сделав несколько шагов, тут-то и у меня браслет ожил и начал противно пищать. Он сигнализировал до того момента, пока я не встал на свое место.

— Ты дурак? — Спросил депутат, который даже головы не удосужился повернуть. — Хочешь к нему присоединиться?

— Я думал, он...

— Ты не думай, а соображай, — надменность сочилась из каждого слова. — Из-за того, что много думал ты и здесь.

— Я здесь по ошибке...

— Все так говорят!

Далее депутат потерял ко мне интерес. И наша колонна в полном молчании очень медленно продвигалась вперед...

Глава 3: Канцелярская крыса

— Здравствуйте!

Ко мне обратился мужчина средних лет, имевший худощавое строение тела, заключенное в потрепанные брюки и клетчатую рубашку. Так же на самом кончике носа находились очки с толстенными линзами. Очки казались старомодными, с золотистой облупленной каемкой. Если коротко, то передо мной находился самый настоящий канцелярский клерк — серый, невзрачный, с затравленным взглядом.

— И вам здрасте! — Ответил я и почему-то поклонился. сидящий за столом мужчина казался мне не из этой эпохи, и хотелось, как-то иначе с ним поздороваться.

— Почему вы поклонились? — Удивился клерк, голос его резал уши, будто он говорил не своим голосом, а через какой-то прибор. — Отвечайте!

— Да я... — а что мне ему отвечать? Я даже растерялся, — да я не знаю...

— А кто знает? — Он привстал и указательным пальцем просунул очки к самой переносице. — Отвечайте!

— Да я так... просто. — А что просто? Почему он ко мне прицепился?

Тут Клерк икнул, после чего рухнул обратно на стул и, взяв в руки ручку с синим пожеванным наконечником, начал старательно записывать в блокнот.

— А что вы пишете? — Мне было неловко, создавалось такое впечатление, что обо мне попросту забыли.

— А? — Клерк поднял голову, и в его глазах читалось удивление. — Вы кто такой?

От человека, просидевшего здесь несколько лет, услышать подобное было, как бы это помягче выразиться, слишком странно. Мне начинало казаться, что работник был не в себе, но ведь не может умалишенный занимать ответственную должность! Пускай эта должность столь мизерная.

Но ссориться или же пререкаться не хотелось, особенно в первый же день. Поэтому, набрав в грудь побольше воздуха, я выстрелил:

— Я Исаев Анатолий Вячеславович. — По лицу вижу, что это особого результата не принесло, поэтому добавил. — Заключенный!

— И что вы здесь забыли? — Клерк скорчил серьезную мину, но с этими очками это выглядело глупо и совсем не угрожающе. — Отвечайте!

— Да что вы ко мне прицепились. — Это было последней каплей, и я вышел из себя. — Вы меня запишите или же нет!

В этот момент я хотел побыстрее отделаться от странного типа и наконец-то войти в эту чертову дверь. За ее пределами слышалось странное гудение и шипение.

— Молодой человек, — обиделся на мой тон клерк в клетчатой рубашке. — Вы... вы что себе позволяете??? Как думаете, для чего я здесь сижу?

— Ну, наверное, чтобы регистрировать таких, как я, — сказал тихо и неуверенно. Уже и сам не веря в сказанные слова.

— А Вы кто? — Подпрыгнул на стуле мужчина.

Разговор зашел в тупик. "Да это издевательство какое-то!" — Я искренне не понимал, что от меня хотят. Кажется, он просто-напросто издевался. Потроллить новеньких в порядке вещей. Так, кажется, заведено в местах не столь удаленных.

"Спокойствие! Главное полное и абсолютное спокойствие!" — Мысленно настраивал

себя я. Стоя около стола, на котором в хаотичном порядке возлежали стопки папок, пытался взять себя в руки. — "Сейчас расслаблюсь и, не смотря на странности работника, буду вести себя как обычно. Это лучшее решение в сложившейся ситуации. Выдержка и ум — мой жизненный девиз!".

Я наблюдал, как клерк взял в руки ручку и приготовился писать.

— Отвечайте! — Заскрежетал мужчина в клетчатой рубашке.

— Я вновь прибывший заключенный.

И на удивление, его ручка начала записывать в журнале, делая на бумаге углубления, которые вырисовывать в слова.

— ФИО? — Выкрикнул странный субъект в клетчатой рубахе.

— Исаев Анатолий Вячеславович!

Ручка остановилась, и мужчина поднял голову. Я уже боялся, что он снова собьется и начнет с самого начала. Но он ничего не делал. Совсем ничего. Даже не шевелился. Казалось, он замер или же окаменел. Это длилось с минуту, после чего клерк опустил голову и принялся записывать.

— Проходите! — Наконец-то вымолвил он, и я был несказанно рад этому факту. Компания клерка мне уже надоела. Я подошел к двери, за ней было темно, будто густая тьма специально прятала нутро от посторонних взглядов. Я закрыл глаза и переступил порог.

Тут же в лицо ударил свежий ветер. Открыв глаза, я увидел несколько турбин, которые дули прямо на меня. Комнатушка была небольшой. Кроме турбин здесь находилась и панель с монитором, где всплыла надпись «разденьтесь догола», а рядом появилось мусорное ведро. Что с этим делать, было и так понятно, вот только браслеты мешали снять одеж...

Цок!

Браслеты отстегнулись и упали на металлическую решетку. Я не стал медлить и разделся. Снятую одежду скомкал и бросил в мусорное ведро. Тут же открылась дверь, и я гольшом прошлепал в следующую комнату. Здесь таких же голозадых было много. Не успел опомниться, как к ногам подъехал ящик. «Открой меня», будто записка с любовным посланием лежала сверху. И я открыл. Все до банальности просто, внутри лежала одежда. Я боялся, что новый наряд придется не по размеру. и зря. Когда я ее одел, она тут же приняла форму моего тела. Избавившись от оранжевой формы, я приобрел черно-зеленую более элегантную и удобную. Рядом находилось зеркало. Без обрамлений, без излишеств, просто стекло, встроенное в стену. Отражение в нем мне понравилось. Все же дизайн был неплох, все к месту, вот только на груди красовался знак бублика. То есть «0». Что означал этот самый ноль, я не понимал, но, судя по всему, все прибывшие имели ту же форму и тот же значок.

Я огляделся.

"Вероятно это и есть распределитель", — подумалось мне.

Но нет, я ошибался. Далее нас снова отправили по туннелю, через который мы вышли в огромное помещение, размерами напоминавшее футбольное поле. Не меньше.

Конвоиры удалились.

И мы остались одни. Только теперь на наших запястьях не было наручников. Этот факт заставил меня занервничать. Пересекаться с жителем трущоб не хотелось. А где он? Я завертел головой, опасаясь, что громила где-то рядом. Но нет, он куда-то запропастился и, вздохнув с облегчением, я сел около стены.

— Что означает этот ноль? — Ко мне подошел бледнолицый. Он ощупывал свою

новенькую форму и гладил эмблему, на которой красовалась странная цифра.

— Кто знает, я первый раз оказался в тюрьме. — Развел руками я.

— Если это тюрьма, то я мэр. — Я вздрогнул, но это говорил не человек с трусоб, а уголовник, который, по-моему убеждению, уже не раз бывал в местах не столь отдаленных. — Все слишком секретно, никто ничего не объясняет, и эта форма... явно не тюремная.

Уголовник опустил взгляд, чтобы еще раз увидеть себя в новой одежде. Матерый волк привык к своим стандартным обноскам, и теперь ему было неловко и даже не уютно.

— Похоже, все новички носят этот знак. Остальные имеют другие цифровые знаки, — преступник сплюнул на пол и вытер рукавом губы. — Видал я по-пути сюда нескольких челов с номерами один и два.

— То есть эти знаки указывают, что мы салаги? — К нам подошел молодой человек, которого я заметил еще там, на корабле. — Еще лучше, теперь каждый будет знать, кто мы такие.

— Ты, Салага, молодой еще и не знаешь, что не эмблема показывает, кто ты и чего стоишь, а твои поступки.

Молодой виновато наклонил голову.

— Чтобы разобраться, где мы сейчас и что делать дальше. Нам нужно представиться. — Уголовник сел на пол и скрестил ноги в позе лотоса. А начнем мы...

Он водил костлявым высушенным пальцем, выбирая, кто же будет первым.

— Вот ты, Салага. — Матерый заключенный тыкнул пальцем в молодого. — Кто ты такой?

— Я Андрей...

— Нет, нет, нет! Никаких имен! С этого моменты ты Салага. — Преступник прищурился и задал, казалось бы, простой вопрос, но от ответа зависело, кем этот молодой человек будет в дальнейшем. — Чем на воле занимался?

— Я? Ну, это... шофер я короче, с детства за баранкой сидел, еще с отцом в рейсы ездил. К тому же, я часто сам свои машины ремонтировал.

— За что сидишь? Только не ври! За ложь уши отрежу, даже не сомневайся! — Пригрозил уголовник. — Я уши очень люблю. Мою прошлую коллекцию отобрали, так что, сам понимаешь, мне требуется пополнение.

Салага побледнел.

— Я... людей погубил. — По лицу видно, что он сожалел, и свою вину не отрицал. — Решил срезать путь и свернул с основной дороги, поехал через скалы, а там обвал...

— Обвал, значит? — Задумчиво переспросил уголовник.

— Да, из двадцати пяти человек выжило только четверо, включая меня. — На глазах парня появились слезы. — Остальные погибли сразу же...

— Верю тебе, Салага. — Кивнул уголовник.

Затем его палец указал на меня.

— Ты Мажор. — Преступник ухмыльнулся. — Теперь твоя очередь.

Глава 4: Знакомство продолжается

— Ну и чего молчишь? Давай, говори, или тебе есть что скрывать? — Взгляд уголовника был обращен не на меня, а на мои уши. И он отчего-то облизнул свои пересохшие губы. — Ты знаешь правила. Если будешь и дальше молчать, то придется расстаться с небольшой, но немало важной частью своего тела.

Ком в горле мешал говорить! Слова застряли где-то посередине, даже дышать стало труднее. Что это со мной? Неужели страх смог парализовать тело настолько, что я потерял дар речи? Если не отвечу, то действительно лишусь ушей. Вон как на них смотрит, глаз не сводит. Даже взгляд загорелся.

— Не молчи, скажи что-нибудь. — Умоляюще проскулил бледнолицый. — Посмотри на это лицо, он же не шутит!

— Молчание лишь усугубит твоё положение. — Уголовник поправил воротник, который сполз ниже, оголив часть татуировок, кажется, это было ухо зверя, предположительно волка. — Считаешь себя смелым и бесстрашным! Видал я таких. И знаешь, что с ними случилось? Знаешь?

Я отрицательно замотал головой в надежде, что хотя бы так от меня отстанут. Паника была уже близко. Она подкрадывалась, выжидала, и в один прекрасный момент, когда я полностью буду подавлен, она набросится. И вот тогда мне придет конец! Я продолжал сидеть, подпирая спиной стену. А внутри все вжалось в единый тугой комок!

— Тебе даже это не интересно? — Зашипел уголовник. — Или же считаешь меня пустым местом?!

— Парень, ответь ему уже! — Я скосил взгляд на Салагу. Он подошел ко мне, но не близко и, выставив руки вперед, принялся меня уговаривать. — Не зли, не начинай! Видишь, он уже на взводе!

— Я... я не хотел. — Все, что мне удалось выдавить из себя. Жалкое подобие человеческого голоса, более походившее на бляньё козы или барана.

— Не хочешь? Чего ты не хочешь? — Уголовник пошел на меня, будто таран, будто ледокол. Он отбросил молодого, тот упал на пол, а сам уголовник оказался у самого моего лица. В нос ударил зловонный запах гнилых зубов. — Не хочешь со мной говорить?

Бледнолицый не знал, как себя вести. Он топтался на месте и вертел головой. Охранников не было. Здесь находились лишь заключенные, а они вряд ли вступятся за незнакомого паренька, который строит из себя невесть что.

Краем уха я слышал шаги. Тяжелая поступь не давала усомниться, кому они принадлежали.

— Опачки! А что здесь происходит? — Я его не видел, но голос действительно принадлежал кирпичебородому жителю трущоб. — А, мажор, это ты, что уже успел натворить, этот олух?

— Не по-пацански он себя ведет, — заверил уголовник. Я ощутил его пальцы на своих ушах, это было мерзко. — Старших не уважает, решил в молчанку играть, героя корчит!

— Вон оно как, — голос амбала стал строже. — И что он так усердно молчит?

— Не хочет поведать нам, за какие-такие заслуги упекли его за решетку, — пальцы уголовника все так же ощупывали мои уши.

— Так он убил кого-то. — Теперь я его видел, Амбал стоял и улыбался. — Пит дать

убил.

— Я не убийца! — Голословные обвинения привели меня в чувство. Я взял руку уголовника и убрал от ушей. — Сами вы убийцы! А я... а я... я любил свою жену. Пришел домой и увидел ее в луже крови! Я тут же бросился к ней. Я... я думал, вдруг она еще жива, дорогая Тереза, вдруг она еще дышит! Но она не дышала! Лежала у меня на руках и не дышала! А я плакал над остывающим телом. Сколько времени прошло, уже не помню. Все как в тумане! Так меня законники и нашли.

Изливая душу окружающим, я ощущал, как по щекам текли горькие слезы. Это неправильно. Не стоит плакать, когда вокруг тебя отъявленные негодяи, но по-другому я не мог. Вспоминания терзали сердце и теребили душу. Горькая утрата... моя Тереза... я... я.

Упав на колени, я сильно ударился лбом о металлическую решетку. О которую я кулаками лупил что есть сил.

— Хватит! — Голос уголовника прорвался через пелену, возвращая меня в чувство. — Твои слова были убедительны, но были ли они искренними?

— Что? — После длинного монолога этот человек все еще не верил мне?

— Люди часто лгут, — уголовник ударил кулаком в свою грудь. — Особенно самому себе!

У меня в голове промелькнул образ супруги, которая лежала в луже собственной крови, после чего к горлу снова подошел горький ком.

— Оставим это на потом. — Уголовник потерял ко мне интерес, и его палец уткнулся в грудь бледнолицему. — Пришла твоя очередь поведать свою историю.

— Я... я... инженер! Создавать базы, как эта моя работа. Могу их строить с закрытыми глазами, опыта для этого предостаточно. — Бледнолицый говорил о своей профессии с гордостью, даже с некоторой любовью и вожделением. — Уже и не помню, сколько их было. Число уже давно перевалило за сотню.

— Что такой специалист экстра-класса забыл здесь? — Пробасил амбал.

Бледнолицый съезжился, вжал шею в плечи, так он казался еще меньше и неприметней. Возможно, таким образом он пытался раствориться, стать менее заметным, но на его беду все взгляды были прикованы именно в его сторону. Глазенки бегают, пальцы пытаются куда-то спрятаться.

— Понимаете, — начал он. — Понимаете, еще с детства у меня есть одно пристрастие. Понимаете, я люблю копаться в людях...

— Как это копаться? — Опешил Салага.

— Вот так. — Инженер показал разрез от паха до груди. Так же он раскрыл импровизированный живот и начал доставать импровизированные кишки. — Ничего не могу с собой поделывать. Рано или поздно это чувство нагоняет меня, и я превращаюсь...

— В маньяка, — догадался уголовник.

Ну а я охренел от услышанного. Именно что охренел. По-другому и не скажешь, ведь в этом болезненном мужичонке трудно разглядеть маньяка. От этой мысли стало даже жутко. Меня передернуло, и я как-то по-другому посмотрел на этого человека.

— Вы бы знали, как это прекрасно! — Хлопнул в ладоши бледнолицый, затем опомнился, и его улыбка исчезла. — Меня поймали, и вот я нахожусь здесь вместе со всеми.

Повисла пауза.

— Ну что ж, Инженер, мы тебя поняли. — Вздохнул уголовник. — Будем иметь в виду, посмотрим, как ты дальше себя покажешь. Теперь меня интересуешь ты!

Преступник указал на депутата.

— Я уже все рассказал, — пожал плечами тот. — К сказанному добавить нечего. Повторю лишь: если примкнете ко мне, будете жить в шоколаде. Уверен, вам понравится мое предложение. Места ограничены, но парочку, так уж и быть, я приберегу.

— Пока не покажешь, на что ты способен, мы просто зря сотрясаем воздух. — Матерый волк не спешил бежать к депутату с распростертыми объятиями.

— Ждешь от меня чуда?

— А разве депутат — это не волшебник? — Рассмеялся уголовник. — Я Бывалый, уже много лет скитаюсь из зоны в зону, смотрю за порядком, чтоб все было чин-чином. Я и воли уже не помню, наверное, и не был там никогда!

— У вас пожизненное? — Икнул Салага.

— А ты думал! За моими плечами столько трупов, что вам и не снилось. Так что терять мне нечего. Дальше родной зоны не уеду.

Далее настала очередь рассказывать про себя самому огромному среди из присутствующих. Но житель трущоб ничего не обычного не говорил. Все и так было сказано. Дрался, воровал, убивал! Кличку ему придумали Амбал. С этих пор он так и будет зваться Амбалом. Настоящие имена здесь не нужны, настоящие имена остались там, на свободе. А здесь в обиходе ходили клички: Салага, Инженер, Мажор, Депутат, Бывалый и, наконец-то Амбал. Группа людей, судьбы которых причудливо сплелись в этом распределителе. Там, на свободе, они бы и не посмотрели друг на друга. Огромная пропасть пролежала между ними, но здесь заключенные оказались на одном уровне.

— Так вот что я понял. — Бывалый хлопнул в ладоши, привлекая внимание, когда все закончили с разговорами, уголовник продолжил. — Здесь мы не случайно.

— Ты о чем говоришь? — Спросил Амбал.

— Да, о том, что нас тщательно отбирали. Каждый имеет за плечами профессию. Инженер может проектировать и стоять дома, Салага управляет транспортом, я и Амбал — грубая сила, Мажор отвечает за бизнес и разбирается в экономике, депутат умеет руководить. И так каждый, понимаете? Лишних звеньев здесь нету. Это действительно не зона, а нечто другое.

Звучало это так, будто заключенные участвуют в некоем эксперименте. Да, с таким набором специалистов колонизировать планету проще простого, здесь уголовник прав на сто процентов! Но что-то явно было не так, ведь за десять лет она так и не получила собственного имени. Безликая, дикая. И к тому же я ее еще так и не увидел. Сначала корабль, а теперь вокруг лишь холодный металл, который скрывал от нас неведомый мир, будто яичная скорлупа. А возможно, эта скорлупа защищала нас от самой планеты...

— Ты прав, Бывалый! — Кивнул головой Депутат. — У каждого есть свой багаж и опыт, который, возможно, сможет пригодиться на новом месте. Предыдущие заключенные такие же, как и мы, и воздвигли эти стены.

— Я бы построил лучше. — Горько вздохнул Инженер.

— У тебя еще появится такая возможность. — Предположил Депутат.

Глава 5: Медкабинет

Душно было в этом распределителе. Пусть и места много, но все равно душно. Инженер заверил, что все дело в вентиляции, так как она спроектирована не по правилам и руки бы отрубить за такое исполнения. Я же в этом не разбирался, вот и согласился с доводами бледнолицего. Который, размахивая руками, с пеной у рта обвинял своих коллег в халатности. А возможно дело и в другом. А вдруг там, за пределами базы, бушевал яростный огонь. Его пылающие языки облизывали металл, не давая тому охлаждаться! Тогда выходило так, что мы медленно жарились в собственном соку, будто на сковородке. Огненные планеты — это не выдумка моей больной фантазии. О нет. нечто подобное я видел по телевизору! Из экрана которого слащавый ведущий с зализанной прической, распинался, рассказывая об очередной находке, а за спиной у него то и дело возникали фотки одна краше другой, на которых все горело, взрывалось и извергалось. Вот только подобные планеты не считались благоприятными, так как человек, попав туда, и десяти секунд не продержался бы. Какое тут к чертям собачьим терраформирование, если все исследователи превратятся в черные угли, а их прах развеет ветер. Нет, это не возможно! Все же наша планета без имени, хотя бы немного, но должна напоминать по климату земную атмосферу. Это главное условие для заселения, не мной придуманное.

Но почему же так жарко!

Я вытер скопившиеся капли со лба. Но вот прошло немного времени и все по новой! Вскоре от соленого пота запекли глаза. Теперь к головной боли и невыносимой жары присоединились и глаза. Да что ж это такое! Ступив на порог базы неприятности преследовали меня. Еще в придачу едва ушей не лишился! Настороже нужно быть с этим Бывалым. Опасен он! Смотрит по-волчьи и улыбается. И о чем думает в этот момент не понятно. Будто зверь, а не человек даже лицо дикое, вытянутое да заросшее.

Время шло. Такое оно — постоянно ходит и всегда только вперед. Жаль, обратной дороги нет, тогда бы я... тогда... а что тогда? Что-то бы изменилось? Я снова вспомнил Терезу, она лежала в своем обычном домашнем платье, которое я ей подарил два года назад, как сейчас помню. С тех пор она с ним не расставалась. Ну а я что мне оно и самому нравилось. Только рад, что подарок ей пришелся по вкусу. И в тот день она была в нем... вот только окровавленное пятно в районе груди выделялось из повседневного образа, и кровь на полу только подтверждало мои опасения. Вот зачем я это вспомнил, а? Сразу в сердце защемило. Моя Тереза...

О чем это я? Ах да, о времени! Поверни оно обратно, я бы спас... спас...

На глазах снова появились предательские слезы.

Раздался шум. Что-то зажужжало, а после послышался скрежет, будто несмазанные шестеренки терлись друг о друга. Медленно и не спеша начали разъезжаться в разные стороны, тяжелые полутоновые створки. Еще бы ми не скрипеть, такую тяжесть на себе таскать. По ту сторону стояли охранники, военные, а так же...

В этом месте за все время пребывания на базе я впервые увидел девушку. Она была миловидной, грудастой, с хорошей подтянутой фигурой. Белый халат не скрывал, а только подчеркивал ее прелести. Хотя не сказать, что это выглядело вульгарно, но все же ее внешний вид притягивал похотливые взгляды. Вон как Амбал засуетился, заелозил на полу. Он даже привстал, чтобы лучше разглядеть представительницу прекрасного пола. Нас снова

куда-то повели. Правда, долго идти не пришлось. Соседняя комната была медотсеком, куда нас заводили отдельными группами. Естественно, я попал в группу уже знакомых, не считая парочки новеньких. Один из которых первым зашел в стеклянную комнату. Там же находилась и медсестра, та самая, с хорошей фигурой и симпатичным личиком. Я уже подумал, что стекла звуконепроницаемые, но оказалось, что слышимость обычная. И я отчетливо слышал каждое слово. Она попросила показать руки, затем осмотрела тело, после чего взяла кровь.

— Следующий! — Приказала она, и внутрь зашел еще один новенький. Процедура повторилась. Она проверила тело, осмотрела руки. Закончив с осмотром, медсестра села в кресло, взяла в руки шприц, а второй рукой прошлась пальцами по клавиатуре. — Ты же имеешь медицинское образование?

— Да. — Короткий ответ, и парень снова умолк.

— Будешь мне помогать, направлю тебя в следующий блок, там так же есть медотсек, который уже давно пустует. — Отложив шприц, девушка начала что-то печатать.

— А если я откажусь? — Со всей серьезностью заявил тот, да и всем своим видом показывая, что не рад подобному предложению. — Я человека убил... прямо на операционном столе.

— Как это? Ты же врач? — Девушка застыла. Будто врач не может стать убийцей, он же такой человек. Как и все.

— А вот так! Неправильный диагноз поставил, когда это понял, то было уже поздно. — Голос паренька был безэмоциональным, а сам он выглядел полностью подавленным.

— Мы все здесь не без греха! — Девушка уже справилась с растерянностью. И, видимо решила, поддержать заключенного.

— И вы тоже убили человека на операционном столе? — Парень бросился вперед, его пальцы обхватили кисть медсестры, выдавив из нее тихий стон. Что-то явно шло не так, не по плану! Заключенный вел себя неадекватно и даже агрессивно. На лицо все признаки сумасшествия. Он явно не в себе.

— Я? Убила? — Медсестра попыталась высвободить руку, но костлявые длинные пальцы заключенного и не думали отпускать запястье.

— Да-да, именно Вы. Ну же, признайтесь. Я все пойму! — Это заходило слишком далеко. Я даже начал переживать за девушку.

— Я? Убийца? — Медсестра задумалась. Со стороны выглядело это забавно, будто она потеряла память и теперь усердно пыталась вспомнить. — Нет... я медсестра, помогаю людям. Я ведь не могу быть и тем, и другим одновременно...

— Нет-нет-нет, я же свой! Просто скажите и все, умоляю! — Он перешел на крик, глаза вылезли с орбит, лицо покраснело. Сейчас он больше походил на зомби, чем на человека.

Девушка дернула рукой, при этом случайно зацепив стеклянные колбы. Этого вполне хватило, чтобы те, с характерным звоном посыпались на пол. Повезло еще, что разбились пустые, а не наполненные кровью пробирки.

Спектакль прервал Амбал. Он зашел в комнату и сразу же направился к парню. Его здоровенная лапища сгребла заключенного и бросила об стену. Тот не вопил, не кричал и даже не скулил от боли, а просто обмяк и сполз по стене, как мешок картошки.

— Свали! — Амбал выругался и по-хозяйски уселся на стул.

Его похотливые взгляды гуляли по женскому телу.

— А ты мне понравилась! — Сходу заявил Амбал. Видимо, он всегда говорил то, что

думает. Ну конечно, посмотрите на эту гору мыщ. Скажешь против — задушит. Я боялся за девушку. Но она сидела спокойно и улыбалась.

— Покажите руки, — как ни в чем не бывало приказала она.

Руки Амбала послушно легли на стол. Огромные лапищи, ладонь как моя голова, если не больше. А девушка то не из робких попалась. Бесстрашная, оказывается. Вон как ощупывает, даже не морщится. А верзила коршуном смотрит, неужели что-то противоправное удумал? Испортить медсестру решил! Вот же гад!

Закончив с руками. Медсестра приказала встать, и громила поднялся.

— Хорошие у тебя руки, нежные, ласковые. — Лица я его не видел, только лишь массивную спину. Но что происходило внутри кабинета, слышали все без исключения.

Какой же подлец, даже не стесняется! Да и военные молча стоят, будто это в порядке вещей. Понимаю, что девушка тоже заключенная, но и у нас есть свои права. Ну не стойте, как истуканы! Сделайте что-нибудь! Но те не двигались, солдаты продолжали стоять, пряча лица за масками.

— Ты хочешь быть моей девушкой? — Не унимался Амбал. Он уже полностью уверился в своей безнаказанности и не стеснялся в выражениях, разве только руки не распускал, но это пока. — Обещаю, что не обижу!

— Я... медсестра, я должна помогать людям. — Как загипнотизированная говорила она.

— Вот и мне поможешь. — Облизнулся житель трущоб.

Медсестра закончила и пригласила его за стол, чтобы взять анализы. Игла с трудом пробила толстую кожу, и поршень начал откачивать два миллиграмма крови.

— Поможешь? — Повторил он.

Далее Амбал поднялся и что-то шепнул девушки на ухо. Та покраснела, после чего отвернула взгляд. Во мне закипала ярость. Правда, причин для подобного я не видел. Ну девушка, ну симпатичная, это не повод для ревности. Ревность? Что я только что сказал...

— Следующий!

Я вышел вперед, отворил стеклянную дверцу и вошел внутрь. Здесь пахло лекарствами вперемешку с женскими духами. Так себе аромат, если честно. Эта едкая смесь, казалось, вот-вот разест рецепторы. Я сморщился. Пройдя несколько шагов, оказался рядом со стулом, где не так давно восседал Амбал.

— Садитесь, чего стоите? — Она указала на пустующее место.

Я рассматривал медсестру. Наверное, слишком откровенно, так как она заметила мой взгляд и подняв голову, вопросительно уставилась на меня. Надо же, недовольная. А Амбалу позволяла и большее! Ну а я что, просто посмотрел! Ведь просто? Так вот ты какая: легкомысленная, доверчивая, безотказная! Почему это меня так волнует? Да пусть гуляет, с кем хочет, мне-то чего.

Мой взгляд зацепился на закрепленную эмблему, мирно висевшую на белом медицинском халате. Такая же была и у меня, только с одним отличием. У девушки вместо ноля, красовалась цифра два.

— Это у Вас что? — Спросил я, указывая пальцем на значок.

— А? — Девушка оторвала взгляд от блокнота. — Я не расслышала, повторите.

Я сглотнул. Почему-то в этот момент я чувствовал себя неловко. Но девушка уже сама проследила за моим пальцем.

— А, ты про индикатор, что ли? — Подскочила она на стуле.

— Индикатор? Это что такое?

Девушка вопросительно посмотрела на меня уже второй раз.

— То, на что ты показываешь. — От ее ответа ничего не поменялось, но вопросов стало больше.

— Да это и так понятно. — Замахал я руками.

— Если понятно, то почему спрашиваешь? — Ее вопросы приводили меня в глубочайший ступор.

— Так-то оно так. — Согласился я.

— Покажи руки, — приказала медсестра.

Я закатал рукава и протянул руки.

— Так все же. — Я хотел докопаться до истины и поэтому решил снова заговорить с ней. — Что за индикатор?

— Это метка. — Тихо сказала она. Ее внимание всецело было поглощено обследованием. Снова в сердце кольнула стрела ревности. Даже не замечает. От, засранка! Я же здесь, вот он! А ты даже смотреть в мою сторону не хочешь!

— Что за метка? — Я без разрешения убрал руки, затем потянул свой значок, тыкая в него пальцем. — Вот, смотри, у меня тоже есть. Только здесь ноль, а у тебя двойка. Понимаешь меня?

— Так это все просто, даже ребенок разберется. Ты же не ребенок, правда же?

— Нет. — Я опустил голову.

— Вот видишь, все просто же. — Пожала она плечами.

— Но... но почему у меня ноль. — Я схватился за голову, будто это могло чем-то помочь.

— Так ты новенький. — Подняла палец вверх, глубокомысленно произнесла медсестра. — У новеньких у всех ноль.

— А у тебя два! — Я уже запутался. Эта медсестра казалась такой странной. Как и тот, из канцелярии. Неужели здесь все работники такие. Тогда беда. И куда только смотрит отдел кадров! Совсем плохо! Раз они неуравновешенных берут. А девушка то красивая, жаль, что странная.

— Я здесь два года. — Первый раз за все время она улыбнулась, затем улыбка пропала.

Медсестра стала серьезной.

— Тот парень сказал, что я убийца...

Медсестра из милой наивной девушки на глазах превращалась в нечто пугающее. Она менялась.

— Но я же медсестра, верно? — И взгляд стал другим, ненавидящим, ужасным. Хотя передо мной сидела все та же медсестра.

— Верно... — говорить не хотелось, но и молчать было неправильно.

— Я же не могу быть и убийцей, и медсестрой одновременно? — Она мрачнела с каждым произнесенным словом.

— Нет-нет-нет. Вы просто медсестра!

Что-то было не так. Девушка стала мрачной и озлобленной. Вскоре изменению подвергся и голос, который стал на два тона ниже и более неприятным.

— А... а вдруг я убийца? — Ее тон мне не понравился. Я вжался в кресло, охватив мягкие обивки стула обеими руками. — Вдруг я и то, и другое?

Аура над девушкой менялась, становилась более темной и зловещей. Не хватало еще, чтобы она накинулась на меня прямо сейчас. Краем глаза я увидел рядом с ней шприц, а на

нем острая игра. Попади она мне, ну, например, в глаз, то я моментально умру. Нужно... нужно убрать его.

Не делая резких движений, я потянулся за шприцом. В этот момент, мозг уже рисовал картины: как разъяренная медсестра сидит на мне сверху с занесенным над головой шприцом, при этом колпачок куда-то делся, а на меня смотрела тонкое острие иглы и сверкало под светом ламп.

— Что же я здесь делаю... — девушка шевельнула рукой и, естественно, рукавом зацепила шприц. Тот отлетел дальше к краю и завис в одном положении. — ... Чего я хочу...

— Вы медсестра. — Говоря это, я не сводил взгляда с уже недостижимой цели. Слишком далеко не дотянусь! — Помните клятву, которую давали? Все медсестры ее дают...

— Помню... — девушка вдруг пришла в себя и успокоилась. Подняв голову, я уже не видел той злобы, взгляд был ясным, как до этого. — ... помню...

— И что же вы помните? — Облегченно вздохнул я, ну и день выдался.

— Я должна помогать людям! Да-да, вот в чем мой долг!

Вот и хорошо! Видимо, тот парень и эта девушка действительно сделали одно и то же преступление. Поэтому она оказались запертой на этой базе. Только девушка смогла заглушить в себе боль, забыв об этом. А парень только-только прибыл, и его душевная рана все еще жива. И тут я задумался: а должны ли медработники нести наказание за смерть больного? Тогда должен возникать и другой вопрос. Виновен ли Салага? Он ведь свернул с дороги, чем подверг пассажиров смертельной опасности. Так что же? Что Салага, что эти двое не желали смерти, а всего лишь стали жертвой в сложившейся ситуации. Мда, сложный вопрос. Если брать во внимание мое мнение, то я в этом злого умысла не увидел. А вот бледнолицый Инженер, то здесь другое дело. Он с таким наслаждением описывал убийства, что меня едва не вырвало. Вот где прячется настоящий нелюдь! Вот кого должны изолировать, навсегда заперев за решеткой.

Последнее, что сделала медсестра. Это взяла кровь, и я вышел из медкабинета. Напоследок бросив взгляд на симпатичную девушку. Выглядела она мило. Может мне тогда показалось и она не превращать в мегеру. Может я сам себе все напридумывал. Игра разума, не более.

Глава 6: Камера

Как вспомню этот чертов медкабинет, так сразу в дрожь бросает. Ну уж нет, для меня это уже слишком! Едва не околел от страха на том кресле. Вряд ли мне бы захотелось вновь возвращаться. Не хочу и точка! Пытайте, если хотите, но не пойду! Здесь останусь, хоть волоком тащите! Единственное, чего мне действительно хотелось, так это упасть в мягкую постель и уснуть сладким сном. Да, это идея мне определенно нравится! Я осмотрелся. Практически все из новобранцев прошли через медкабинет, а значит, ждать осталось недолго. Ну что ж, тогда подождем. Я продолжал болтать с самим собой не просто так. Если остановлюсь, то головная боль вернется. Чтобы этого не произошло, нужно говорить, что еще делать.

Дверь, зашипев, разъехалась в стороны. Из медотсека вышел депутат и молча, ничего не говоря, присоединился к группе. Надменность из него сочилась из всех щелей! Его величество даже не удосужилось взглянуть в нашу сторону, он просто стоял и откатывал обратно рукава. Какой же он мерзкий! Наверное в сенате других и не держат. От этих мыслей мне стало грустно. Депутаты никогда не думали о людях, они жили в своем мире, мы в своем. Странно еще, что его сюда забросили. А не в элитную клетку с золотыми решетками, да чтоб с джакузи, с полуголыми девицами. Но здесь, к счастью или сожалению, никаких девиц нет. Вот и сердится!

Депутат встал рядом с Бывалым и незаметно подмигнул. Ну, ясно, уже успели спеться. Два сапога пара или нет, две стороны одной медали. Только одни, такие, как Депутат на воле, а другие в тюрьме. Бывалый кивнул головой и отвернулся. Рядом с уголовником стоял Амбал. После медкабинета он постоянно молчал и с его лица не сходила подлая ухмылка. А меня волновал лишь один вопрос: что же он такого сказал медсестре, что та покраснела? Полагаю, какую-нибудь похабщину, на большее этот житель трущоб не способен. Зверь, он и на любой планете остается зверем. Все человеческое для него чуждо. Я слишком пристально разглядывал нашего здоровяка, и в конце концов, громила это заметил. Неприятностей еще не хватало. Я быстро ретировался, отошел к противоположной стене и стал ждать.

Двери отворились, и к нам вышел Салага. Он же был последним. Далее охрана активизировалась, и нас погнали вперед. В этот момент я чувствовал себя скотом, только колокольчика не шее не хватает для полного образа. Рядом со мной ошивался Салага, он бросил в меня парой фраз. Я что-то ответил, не слишком заворачиваясь над смыслом.

Снова мы шагали по коридору. Сколько же их здесь? Десятки, сотни, тысячи? Длинные туннели, будто щупальца спрута, раскинулись на все стороны. Удивительно, но я заметил одну деталь: в первый раз мы шли по коридору целую вечность, а сейчас за тот же промежуток времени прошли его за считанные минуты, хотя, если прикинуть весь путь, то расстояние было одинаковым. Тогда что это получается? Ощущения реальности меня обманывало! Или наваждение, или же это все влияние планеты. И время здесь идет неравномерно, то ускоряясь, то замедляясь, в зависимости от места? Планета будто бросила вызов всем законам физики и, наплевав на все устои, начала жить по своим канонам. Я теперь еще сильнее хотел увидеть ее. А если... если нас так и не выпустят из базы. Запрут здесь без права выхода! Ну нет, мы же как-никак исследователи. А исследователи должны что делать? Правильно, они должны исследовать! А внутри консервной банки много не обследуешь. Почему-то мне в голову залезла медсестричка и тот канцелярский работник. А

может они странные такие, что... что не постоянно находились в четырех стенах. Ведь за два года здесь действительно можно свихнуться.

Салага еще что-то сказал, но я не расслышал. Жаль парня, конечно, совсем еще молодой, зря с ним так. Очень зря...

Мы вышли на открытое место. Это что-то новое. Здесь уже не было тоннелей, узких коридоров и кабинетов, но были двери. Много-много дверей! Внизу вверх, по разные стороны. Мир тысячи дверей если хотите.

— Вот мы и дома. — Я повернул голову на голос. Уголовник улыбался. Видимо, он увидел в этом что-то до боли родное, домашнее.

Спросить бы, что он имел в виду, но я боялся лишний раз тревожить нашего любителя ушей, а с ушами расставаться не мне хотелось. Оставалось только молить всех Богов, чтобы нас не усадили в одну камеру.

И Боги меня слышали.

Вот военные подошли к камере, подозвали к себе троих: Депутата, Бывалого и Амбала. Депутат улыбнулся, мол, говоря: я все сделал, видишь, ты теперь доволен? Бывалый одобрительно кивнул головой, и эта троица скрылась внутри камеры. Ну а мы пошли дальше. Так вот что уголовник имел в виду под словом дом. Он же всю жизнь прожил в подобном месте. Он действительно дома. Ну а я привык к другим условиям! Назвать домом эти соты язык не поворачивался. Мой дом там, где Тереза... ах да... снова забыл... такое чувство, будто она все еще жива. А это кошмарный сон. Вот проснусь, а жена рядом посапывает. Я ее обниму осторожно, поцелую в щечку. А она... она мне скажет: Доброе утро, милый! Ну ты и соня, снова проспал. А я в ответ: Главное — ты рядом...

— Стоять!

Я не сразу понял, что произошло. Наша группа остановилась. Камер поблизости не было, тогда в чем причина остановки? Я вытянул шею, чтобы как следует рассмотреть передний план. Ага. Вот оно что! Посередине стоял странный человек в такой же, как и у меня, форме. Человек этот как-то странно горбатился и почему-то постоянно потирал ручки, при этом что-то нечленораздельно мямлил. Мне стало интересно, и я прислушался.

— Ты снова здесь ошиваешься, Штопор! — Рывкнул один из впереди идущих охранников. — Ты как из камеры вышел?

Заклученный сильнее сторбился. Странный он! Чем-то мне напомнил горбуна из одной известной оперы... название запомнил.

— Я... мне бы... я. — Заикаясь, пробубнил он. — Я зверушку хотел покормить. Она у меня проголодалась. Очень сильно.

Охранник махнул рукой и проговорил:

— Возвращайся обратно в камеру!

— Но... но... — Штопор начал переминаясь с ноги на ногу. — Вот нет у тебя сердца! Собачку не жалко? Не жалко? Умрет же с голоду. Нужно ее покормить! Обязательно!

Заклученный тыкал пальцами, указывая на что-то. Неужели у него есть своя зверушка. Не думал, что в тюрьме разрешается держать животных. Может, и мне разрешат завести. Я подошел ближе, и какое было разочарование, когда в указанном месте никого не оказалось.

— Умрет же без еды. — Продолжал юродивый. — Помрет же...

"Еще один полоумный", — подумал я, — "нет, там никого, лишь пустое место!"

Но заклученный упорно указывал рукой на пол и бормотал, бормотал, бормотал.

— Мне-мне, правда надо. Я же вернусь. Вы же знаете! Я всегда возвращаюсь.

— Черт бы побрал этих медвежатников! Все замки отмыкают, закрывай не закрывай. —

Тяжело вздохнул охранник. — Ну, пойдём, отведу тебя в камеру.

Заключенного отвели. Ну а наша группа двинулась дальше.

Вскоре мы остановились около очередной камеры. Вызвали троих — двух новеньких и Салагу, и те так же исчезли за дверьми. Двери закрыли на кодовый замок. Он казался надёжным и не открываемым. Как Штопор смог его взломать, оставалось загадкой.

Мы двинулись дальше. Нас осталось не так уж и много, всего лишь двое. Я и... и...

Я посмотрел на бледнолицего. Его болезненный вид не вызывал опасности. Справиться с ним, если что, не составит труда. Но и постоянно оборачиваться не хотелось. Все же лучше бы нас расселили по разные камеры. Соседство с Инженером чревато последствиями. Я со своими кишками прощаться не хочу.

Охранник остановился у очередной двери. Замок отщелкнулся и, скрипя несмазанными петлями, двери медленно открылись. Оттуда повеяло холодом.

— Эй, вы двое, особое приглашение нужно? Входите!

Мы переглянулись.

Все же не пронесло! Соседство так себе! Не из приятных.

— Давайте-давайте, пошевеливайтесь!

Инженер топтался не месте, давая мне право войти первым. "Надо же, стеснительный какой", — подумал я и переступил порог. Следом, как хвост, вошел и бледнолицый.

Три кровати, стол и туалет. Не роскошью здесь и не пахнет. Зато отвратительно пахло с туалета.

Как оказалось, в камере мы были не одни. Здесь находился еще один. Завидев нас, он подскочил с койки и сел на самый край.

— Опа-на, а кто это такие? — Старожил засмеялся. — А чего молчите? Не говорите? Или языков нет?

— От чего нет. Есть... — нерешительно ответил я.

— А если есть, тогда общаться надо. А вы стоите, молчите, топчитесь на пороге. Входите-входите, не прячетесь! — старожил гостеприимно провел рукой, как бы обозревая свою камеру.

Я сел на кровать поближе от двери. Ну а бледнолицый пошел на дальнюю.

В это время заключенный вытащил с кармана папиросу и, ловко вставив ее в зубы, задымил, пряча пачку и зажигалку обратно в карман.

— Странные вы! Все молчите и молчите. — Сизый дым достиг потолка и начал расплзаться по всей плоскости. — Будьте как дома. — Снова подал голос мужик. — Только смотрите сюда.

Он указал на табличку. Где было сказано, что курить нельзя.

— Курить нельзя. Понятно? Я за этим слежу! Ты куришь? — Обратился он к Инженеру.

— Здоровье не позволяет. — шмыгнул носом бледнолицый. — У меня непереносимость дыма.

— Это хорошо, что сюда попал. — Старожил снова сделал затяжку. — Везде курят, а у нас не курят. Я за этим слежу.

Я видел, как кривится бледнолицый, как закрывает нос и рот тряпкой. И пытается не дышать.

Сам же старожил был полноватым дяденькой лет сорока. Имел небольшой рост, коротенькие ручонки и объемное пузо. Лицо самое обыкновенное, простецкое, я бы сказал,

увидеть такого среди толпы и не запомнишь. Так же он носил щетину.

— А прозвище, прозвище у вас есть? — Елозил на краю койки наш собеседник, при этом пыхтя, как паровоз.

— Я Мажор. — Помня слова бывалого, что здесь имена не нужны, вот и представился, как нарекли.

— Отлично! Замечательно, я бы сказал! — Радовался старожил. — Мажоров в камере еще не было! Странный ты, Мажор, но смешной!

Докурив сигарету, собеседник затушил окурок и стол и выбросил окурок в унитаз.

— Ты же не куришь? — При этом старожил закрыл один глаз. А второй прищурил.

— Нет, конечно. — Запротестовал я.

— Вот и не кури. Даже не начинай, а знаешь почему? Правильно, у нас здесь не курят!

— Да, я уже понял. — Я вздохнул и посмотрел на унитаз, куда только что полетел окурок.

— А ты кто? — Это он обратился к бледнолицему, который делал все, чтобы не дышать едким накурленным воздухом.

— Я Инженер, прозвище дали по моей профессии, а так я...

Я остановил бледнолицего. Пока тот не назвал своего настоящего имени. Кто знает, может здесь это смертельный грех, не зря же все прозвищами представляются.

— Ну а я Григорий. — Расплылся в улыбке старожил.

Я посмотрел на Григория с недоумением. Не уж то обманул нас Бывалый, чтобы новенькие выглядели глупо в глазах коллег. Мда, черт бы побрал этих уголовников.

— Я думал, что здесь общаются только прозвищами, — признался я, почесывая лысеющую голову.

— Так это и есть прозвище. — Григорий пожал плечами.

— Интересно, а почему прозвище такое?

— А я курящих не люблю! Вот был тут в камере один, Григорием звали. — Брови старожила съехали к переносице, что придали лицу угрожающий вид. — Вот с тех пор я и Григорий.

— А что с ним случилось? — Спросил я.

— С кем? — Крякнул старожил.

— Ну, с Григорием этим. Что с ним случилось?

— Так я же Григорий. — Сказав это, старожил лег на кровать. — Странный ты, Мажор! Смотри не кури, я за этим сторого слежу.

Делать было нечего, и я начал обустраиваться на новом месте. Григорий был общителен, но темы практически не менялись. Все крутилось вокруг сигарет, запрета и странностях. Хотя, на мой взгляд, странным здесь был именно он. Вскоре прозвучал отбой, и в камере погас свет.

И наконец-то добравшись до подушки, я тут же уснул.

Глава 7: Прием пищи

Проснулся я, когда еще было достаточно темно. А все из-за того, что ощутил легкое прикосновение, будто чьи-то холодные пальцы коснулись моего плеча. Это странное чувство вырвало меня из лап морфея и вернуло в реальность. Как уже оговаривалось ранее, было темно. Хоть глаз выколи, ни черта не видно! Боясь пошевелиться, я лежал, и не двигался, а в это время, прищурившись, скользил взглядом, чтобы хоть как-то разглядеть через покров тьмы. Вскоре на черном фоне начал прорисовываться силуэт. Значит, это мне не приснилось и рядом с моей койкой действительно кто-то находился. Но кто? Да и зачем? Мысли начали слетаться, мешая друг-другу поэтому я не мог зацепиться за какой-то один вариант. Будто я шел по вязкому болоту, а ноги постоянно увязали, не доставая дна.

Страх подбирался все ближе!

Я схватил на тумбочке фонарь и дрожащими пальцами нащупал кнопку включения. Луч света высветил бледное лицо Инженера, который продолжал сидеть у моей кровати как ни в чем не бывало.

— Ты спи-спи, — прошептал бледнолицый умиротворенным голосом. — Можешь... можешь не обращать на меня внимания.

Лицо Инженера при тусклом свете казалось неживым, достаточно помятым и уставшим. Синяки под глазами стали больше. Но при этом он сидел и улыбался.

— Давно ты здесь? — Голос мой прозвучал, как у человека, которого только что разбудили. — И что ты здесь делаешь?

Бледнолицый прикрыл глаза, а его лицо расплылось в блаженстве.

— Давненько. — Он даже и не думал скрывать этого. — Я не удержался и решил посмотреть, как ты спишь. Ты же не против?

— Конечно, против! — Я попытался встать, но на меня легла худощавая рука бледнолицего.

— Понимаешь, — инженер отвернулся, будто проверяя, спит ли их сосед, затем снова вернулся к разговору. — Понимаешь, мне очень нравится наблюдать, как кто-то спит. А ты делал это так сладко. Даже не шевелился. Лежал спокойно, будто покойник.

— Кто я?

Подобное сравнение мне не нравилось. Учитывая склонности этого извращенца, то его слова прозвучали вдвойне странно. Я машинально ощупал свой живот на предмет каких-то порезов, но, к счастью для меня, форма была цела, а на коже не чувствовалось лишних дырок.

А между тем мой визитер поудобней уселся и, подобно йогу, скрестил ноги. Видимо, уходить он не собирался, а решил задержаться здесь надолго. Не мне говорить, что мое отношение было абсолютно негативным, и мириться с подобным я не хотел! Нужно было что-то с этим делать, иначе я рискую не выспаться, а утром буду еще хуже, чем по приезду сюда.

— Слушай, я тебя очень прошу...

— Да-да, я тебя слушаю. — Перебив меня, Инженер активно закивал головой. — Ты говори-говори... признаться... я давно ни с кем так не говорил по душам. Ночью ведутся самые откровенные разговоры. Так что я тебя слушаю.

Он повернул ухо, чтобы еще лучше впитывать мои слова. Ну а пока Инженер с

нетерпением ждал. Я боялся выключить фонарь. Ведь кто знает, что взбредет в голову маньяку под покровом ночи.

— Уходи, а! Иди к себе, поспи. Мне правда сейчас не до разговоров, я очень сильно устал и хочу спать.

— Так ты спи. — Пожал костлявыми плечами мой ночной гость. — Я тебе не буду мешать, обещаю.

— Я... я не могу уснуть, когда на меня смотрят... болезнь такая. — Соврал я.

А в голове вертелась одна лишь мысль: лишь бы заряда хватило, и свет не погас...

Бледнолицый смутился. Свет выхватил его огорченное лицо и грустный взгляд. Собеседник молча поднялся и, пошатываясь из стороны в сторону, пошел к своей койке. Я выключил фонарь, но убирать его на полку не торопился. Вместо этого, прижав единственный источник света к груди, я принялся ждать. Вот заскрипели пружины, послышалось сопение. Звуки пропали, и наступила тишина. Уснул? Или же сделал вид, что лег, а сам...

Я ненадолго включил фонарь. Но свет никого не выловил, там, где недавно находилось лицо бледнолицего, теперь никого не было. "Надо же", — я вспомнил слова ночного гостя, — "я похож на покойника, как ему в голову взбрело сказать подобное", — с иронией подумал я, — "и как мне теперь уснуть?"

Темнота едва шевельнулась, а рядом всплыл контур. Я дернулся от испуга и тут же активировал фонарь. Но никого не было. Фонарь осветил тумбочку на противоположной стороне камеры и ноги Григория. "Это всего лишь игра воображения, не более того", — успокаивал себя я, — "которое, так некстати решило поиграть со мной. Да катись оно все к черту! Будь, что будет!"

С этими мыслями я вернул фонарь на место и отвернулся к стене. После чего силой заставить себя уснуть. На удивление это получилось...

Проснулся я от жуткого кашля. Кто-то заходил раз за разом причем получалось, это очень громко и болезненно. Глаза не желали открываться, но все же, сделав над собой усилие, я сделал это. Было светло. Первое, что увидел — это черный от копоти потолок, предположительно от сигаретного дыма. В нос ударил запах табака, и теперь стало ясно, что за причина удушливого кашля.

— Проснулся, Мажор. Я думал ты очурился! Он твой-то сразу подскочил, — Григорий, сделал глубокую затяжку, и выпустил облако дыма в потолок. — Странные вы, ей богу! Главное, не курите, и мы подружимся, поняли?

Я прислушался к ощущениям. Голова болела, но не так, как вчера, не от акклиматизации, а от недосыпа. А значит, мой организм понемногу привыкает к здешней атмосфере. Я сел на край кровати. Все же я переоценил свои силы. Было слишком быстро, так как закружилась голова, начало мутить. Это длилось пару секунд, после чего все вернулось в форму.

Бледнолицый сидел в похожей позе. Он держал у лица тряпку и пытался меньше дышать. При каждом вдохе он заходил в кашлем, а с глаз лились слезы.

— Акгхв! — Снова закашлялся он. — Будь ты проклят со своими сигаретами!

— Правильно ты говоришь. — Похвалил его старожил. — Хорошо, что у нас здесь не курят. Везде курят, а у нас нет. Я за этим слежу.

— Мы уже это слышали, — тихо пробормотал я.

Ну, проснулись, и что дальше? Какие же дальнейшие шаги предпринимаюсь местные

исследователи? В чем заключаются обязанности? Хоть бы какая-то ясность!

Нужно побольше узнать об этой планете. Великие люди говорят: Кто владеет информацией, тот владеет миром. Мой взгляд пал на старожилу. Григорий хоть и со сдвигом, но другого источника информации у меня нет.

— Григорий! — Позвал я старожилу, тот крикнул, подскочил с кровати и начал оглядываться.

— Где?

— Кто? — Не понял я.

— Григорий! Григорий, где? — Старожил начал бегать по камере, будто кого-то ищет. — Григорий, подлец! Он курит! А я курящих не люблю! Видели, что написано? Здесь курить нельзя!

— Но... ты же Григорий. — Я уже и сам не верил, в то, что говорил. Этот человек с нашивкой второгодки вел себя неадекватно.

— Я? — Он остановился, его обрюзглое пузо забавно затряслось.

— Да ты! Ты ведь вчера так представился...

— Хм... — задумался мой сокамерник. — Я никуда не преставился, видишь, живой я. Нечего меня за дурака держать!

Наш разговор шел не в то русло, и если ничего не предпринять, я рисковал остаться без информации.

— Что вы обычно делаете на базе?

— Мы не курим! — Тут же отозвался Григорий.

— А еще? — Напирал я.

— Еще? Мы едим. Как раз сейчас время завтрака!

Я себя поздравил. Хотя бы уже что-то.

Доказательством его слов послужил громкий гудок наподобие пароходного, после чего отщелкнулся замок и двери открылись. Я осторожно прошел к двери и, переступив порог, вышел наружу. Пространство снаружи понемногу наполнялось телами. Двери камер открыты, но охраны не наблюдалось. Не уж то никто не будет следить за тем, чтобы уголовники никуда не сбежали. А куда бежать-то? — Подумал я. — Дальше базы не сбежишь!

Вот вышел Салага. Он потянулся и начал разминать затекшую за ночь шею. Увидав меня, он дружелюбно помахал рукой, я поступил так же. Надеюсь, этот паренек выспался и у него не было ночных визитеров... как у меня. Как будто прочитав мысли, вперед вышел Инженер.

— Как здесь людей много. — Спрятав шею в плечи, заскулил бледнолицый. — Не люблю много народу. Не люблю!

Те временем толпа двигалась в одном направлении, значит, и я пойду вместо со всеми. Компанию мне составил Салага. Как выяснилось, у них в камере ничего не происходило. Новенькие оказались дружелюбными, и даже тот врач, который выказывал агрессию в медкабинете, на деле оказался хорошим парнем. Салага все говорил, а я думал: повезло же! А у меня два ненормальных сразу. Везет, как утопленнику... или покойнику.

Вскоре мы вошли в другой корпус со столами по всему периметру. "Столовая", — Подумал я, и был абсолютно прав. У входа лежали подносы, каждый подходивший брал один и шел вставать в очередь, которая была огромной. Еще я заметил, что среди заключенных были новобранцы с нулевым уровнем, а так же с уровнями два и три.

— Слушай... — обратился я к Григорию. — А почему нет заключенных с нашивками четыре и выше.

— Их с нами нет. — Его рука потянулась к подносу, а сам он встал позади меня. — Они в другом корпусе. Нас туда не пускают.

— Ясно. — На деле же мне хотелось посмотреть на тех, кто провел здесь больше трех лет. Особенно на самых первых создателей этой самой базы. Они же должны были здесь находиться. За десять лет планета все еще не считалась освоенной, а значит, никуда первопроходцы не делись.

— А ты видел кого-то с номером выше третьего? — Я снова обратился к сокамернику.

— Выше? — Григорий, задумавшись, замедлил ход. — Нет, не видел. Говорю же, они в другом корпусе, мы не пересекаемся. И это хорошо, а то вдруг там все курят!

Тяжко вздохнув и не желая слушать уже поднадоевшую шарманку, я прибавил шаг. Григорий отстал, продолжая что-то бормотать себе под нос. Столовая была большой и просторной. Здесь размещались столы на шесть персон. Странно было и то, что никто не проводил инструктаж. Нас просто высадили и сразу бросили в кипящий котел. А дальше будь что будет. Хотя я человек правил, и меня очень интересовали дальнейшие действия.

Впереди я увидел спину амбала, даже в очереди он возвышался над всеми и бросался в глаза. Да, таким быть, наверное, жутко неудобно. Не спрячешься, всегда будешь на виду. Будто маяк. Он меня не видел, и этот факт не мог не радовать.

Прошло около сорока минут, как мы добрались в конец очереди. Здесь стоял автомат. Большой и ржавый. Будто гигантское животное, у которого был рот, а вместо языка выступала транспортерная лента. Когда заключенные ставили пустой поднос на ленту, та, жужжа, затаскивала себе в рот, а на выходе получали уже наполненный поднос. Ну что ж, пришло мое время. Я не спеша подошел к древнему чуду. Когда мой поднос оказался на ленте, машина зажужжала, после чего засосала его внутрь. По примеру других я зашел за машину и взял обратно поднос... с чем-то... назвать еду странной, это ничего не сказать. Что-то похожее на слизь, только в разных цветах. Видимо привозить сюда нормальную еду накладно и чтобы удешевить процесс, нас кормили представителями из местной фауны. Я еще раз посмотрел на содержимое подноса и меня замутило.

— Фиолетовые самые вкусные. — Я уже сел за свободный стол, как ко мне подсел Григорий. — Вкус просто отменный, я только фиолетовые ем. Остальное выбрасываю.

Мой сокамерник довольно улыбался, при этом то и дело поглядывая на мое фиолетовое желе. Я с опаской потыкал пищу вилкой — желе начало дрожать. Пока я игрался с едой, к нам присоединился Инженер и Салага с двумя новенькими, имен которых я не знал.

— Ты ешь сразу, а то когда остынет, будет хуже. — Посоветовал Григорий.

Он нанизал на вилку фиолетовое существо и начал всасывать в себя. Когда тварь оказалась во рту, он начал тщательно ее пережевывать.

— Главное, убедись, что еда окончательно умерла. А то если живым проглотишь, то она будет есть тебя изнутри, неприятное чувство, честно говоря. — Он это говорил, продолжая чавкать и улыбаться, со стороны выглядело отвратно, что даже есть перехотелось.

Я огляделся.

Недалеко, через два стола сидела наша троица: Амбал, Бывалый и депутат. У них на столе были бургеры, самые обычные человеческие яйца и супчик. Нормальная еда, не то, что наша. Я снова посмотрел на фиолетовое нечто... остальные так же не ели, ждали, кто же решиться первым.

— Ну что, начнем! — Сказал я, беря в руки вилку.

Припомнив слова Григория, я перед тем как приступить к трапезе, начал давить желе вилкой в надежде придушить тварь, чтобы оно не съело меня изнутри. В ответ еда начала пищать и брыкаться. Салага побледнел и выпустил от испуга вилку. Бледнолицый и вовсе перекрестился.

— Души, души ее! — Подначивал меня Григорий, после чего глотнул и добавил. — А теперь ешь!

Я, закрыв глаза, бросил существо в рот и начал жевать. Несмотря на мои усилия, еда оказалась живучей и во время пережевывания щекотала нёбо щупальцами. Я кривился, но не сдавался! Несмотря на все мои мучения, это было действительно вкусно. Чем-то напомнило воздушную сахарную вату из детства. Я, наверное, так жевал около пяти минут, пока не собрался с духом и проглотил странную еду. Затем прислушался к ощущениям. Все было нормально.

— И как? — Спросил наш врач. — Ничего не болит?

Все новенькие за нашим столом хотели услышать вердикт.

Я облизал пальцы, на которых осталась фиолетовая слизь и заключил:

— Съедобно!

Только после этого исследователи начали впихивать в себя содержимое на поносах. Еще один новенький так разгорячился, что нанизал на вилку желтое желе и закинул его в рот. Чразу после этого он скривился и сказал, что очень горькое.

Шум отвлек нас от поглощения пищи. Я поднял голову и увидел недавнего знакомого Штопора, который слонялся по коридорам с воображаемой зверушкой. Безобидный паренек. И у него были большие неприятности. Увидав на столе у депутата настоящую еду, он не выдержал и бросился к нему. Выхватив со стола бургер, Штопор попытался убежать, но Амбал был быстрее. Здоровяк подставил подножку, и бедолага шлепнулся на пол.

— Отдай еду, скотина! — Амбал вылез из-за стола, сгреб вора и начал его тряси. — Я видел. Что ты спер!

— Простите! Простите, прошу!

— Он у тебя за шиворотом! Доставай, иначе я тебе обе руки сломаю!

А ведь переломает. Он и за корку хлеба убить может, а тут целый бургер. Нужно было что-то делать. Но я сидел и смотрел.

— Простите! Но мне очень надо!

Амбал отвесил вору подзатыльник, и тот заскулил. Депутат не вмешивался. Он просто с нескрываемой улыбкой наблюдал за представлением, всем видом показывая, как ему весело.

— Отдавай, чего медлишь?! — Глаза верзилы покраснели. Сейчас он действительно походил на разъяренного орангутанга.

Штопор скулил и пытался свернуться калачиком.

— Ударь его сильнее! — Хохоча, подначивал депутат. — Пусть знает, у кого ворует!

Амбар замахнулся. Пудовый кулачище взлетел над головой и вот-вот готов был опуститься на бедолагу.

— Отстань от парня! — Бывалый вытер губы салфеткой, затем скомкал и бросил ее на стол. — Не видишь, он не в себе. Не бери грех на душу! Пусть забирает этот бургер и валит.

Амбал не стал спорить. Он отпустил комбинезон, и Штопор шлепнулся на пол. А вот депутат разочарованно вздохнул. Видимо, он не такой финал рассчитывал. Ну а я был только рад! Но ведь если бы Бывалый не заступился, я бы и дальше сидел, как истукан? Вон и

Салага кулаки сжал, уже готов был броситься в драку. Помог бы Салаге в этом случае? Ответа на этот вопрос я не знал...

Штопор вскочил на ноги и побежал, прижимая к груди трофейный бургер. А ведь Амбал мог его спокойно убить! Повезло пареньку, считай, второй раз на свет родился!

Насытившись непонятно чем, мы выбрались из стола.

— Депутат, есть у меня одна просьба, — я оглянулся и увидел, как Амбал что-то шепчет тому на ухо и при этом улыбался.

Депутат одобрительно кивнул и похлопал здоровяка по руке.

Уже о чем-то договорились. Гадость задумали! Что именно, даже знать не хотелось: меньше знаешь. Крепче спишь! А у меня и так сон нестабильный из-за некоторых...

Григорий поведал, что вскоре нас соберут у выхода, ну а пока мы можем отдохнуть и прогуляться. Выход в свет, значит, вскоре мне и остальным новобранцам придется увидеть то, ради чего нас и привезли сюда. Был ли я рад этому? Да, конечно, я чувствовал себя каким-нибудь искателем приключений, хотя и понимал, что снаружи может быть опасно. Но это все потом. Ну а сейчас я просто хочу облазить место нашего проживания на ближайшие несколько лет. Оторвавшись от группы, я приступил к исследованию.

Глава 8: Знакомство с базой

И так, попрощавшись с Салагой и с остальными, не теряя времени зря, я приступил к исследованию базы. Шумная столовая сменилась на тихие коридоры и тоннели, на развилки и перепутья. Я ходил, ходил, ходил. Идентичные локации, практически неотличимые друг от друга, плавно переходили от места к месту. Именно поэтому меня постоянно преследовало чувство, что я уже был здесь, будто меня водили по кругу. Но нет, вскоре я вышел к двери, которая была заперта специальным кодом. Дальше пройти было невозможно. Я посмотрел на панель, где большим буквами было написано: "Нет доступа". Так вот где обитают заключенные, про которых говорил Григорий. Видимо, эта стальная дверца вела в другой корпус, туда, где обитали заключенные со значками выше третьего. И без специального доступа я туда вряд ли попаду. Меня манило все запретное и неопознанное, но сейчас времени было немного, и я решил оставить дверь в покое и проверить остальные части корпуса. Я шел и от руки рисовал схему. В дальнейшем карта должна облегчить перемещение, что не позволит заблудиться в коридорных лабиринтах. Это времени заняло гораздо больше, чем рассчитывал, но все же я был горд проделанной работой.

Как оказалось, я посмотрел на кусок листа, который служил мне картой. Столовая находилась в самом центре корпуса, к ней вели все дороги из трех жилых блоков. Жилыми блоками я обозначил место, где находились камеры. Как уже говорил ранее, их было три. Каждая вмещала в себя пятьдесят человек, а значит, в нашем блоке находилось плюс-минус сто пятьдесят человек. Утром заключенные сразу шествовали в столовую, ели, набираясь побольше сил, после чего шли наружу. Все это я усердно заносил на лист бумаги, стараясь записать все свои размышления. А мне вот что интересно: увижу я снаружи тех, кто носил значки выше третьего уровня, или же наши контакты сведены к минимуму?

На обратном пути коридоры уже не были такими пустынными, как вначале. Теперь же то и дело попадались компании о чем-то беседовавшие. Так же и одинокие парочки проходили мимо. Преимущественно это были люди с цифрами три и два. Новички же предпочитали ошиваться рядом с выходом и не заглядывать вглубь базы. Я покинул жилой блок и направился к хозяйственному. Здесь людей было на порядок меньше, а затем и вовсе исчезли. Честно говоря, это обстоятельство меня только радовало. Ни с кем не хотелось пересекаться и общаться.

Удача меня покинула, и на входе я встретил Бывалого. Кажется, он был один. Амбала и Депутата нигде не видать. Уголовник стоял и вертел в руках небольшой коробок черного цвета.

— Мажор! — Заметив меня, Бывалый махнул рукой. — Иди сюда, поможешь мне!

Тяжко вздохнув, я поплелся к уголовнику. Бывалый все продолжал вертеть странное устройство, иногда он прикладывал его к уху.

Я остановился в метре от матерого волка.

— Вот! — Он протянул мне черный коробок. — Понятия не имею, как им пользоваться. Оно было размером с кубик Рубика. Но что это, я и сам не знал.

И именно так ему и передал:

— Даже не представляю, что это.

Бывалый настоял, и я взял в руки черный коробочек. Здесь были кнопки, один динамик и крутилка, а сзади имелось крепление для того, чтобы вешать на форму. Я нажал на кнопку

и немного подержал. Из динамика послышался странный шум.

Я вопросительно посмотрел на уголовника.

— Это какое-то переговорное устройство. — Почесав лысеющую голову, сказал уголовник. — Депутат выдал, будь он не ладен. Вот теперь мучаюсь с ним.

Я покрутил коробку в руках. Примитивное устройство — допотопное. И где его только Депутат выдрал? Ни тебе сенсорных экранов, ни тебе программного обеспечения. В наше время все делала автоматика, а здесь приходится настраивать все в ручную. Я покрутил круглую шуковину и шум сменился на переговоры охраны. Те обсуждали, кому выходить в смену, а кому идти отдыхать.

Глаза Бывалого загорелись:

— Крути дальше! — В голосе ощущался некий азарт.

Далее послышались переговоры персонала, но так же ничего важного. А вот после этого динамик выдал уже знакомый голос.

— Ты все устроил? — Этот голос принадлежал Амбалу.

— Не волнуйся, оторвешься на все катушку! — Заверил голос депутата.

Дослушать не дали, так как уголовник вырвал коробку из рук и запихнул себе в карман.

— Молодец, Мажор, все же выйдет из тебя толк. — Похлопал по плечу Бывалый и уже собирался уходить, так как я его остановил.

— Бывалый... — он повернулся с вопросительно посмотрел на меня. — ... спасибо, что заступился за парня в столовой.

— Ты думаешь, я так из-за жалости поступил? — Засмеялся уголовник, и от этого смеха мне стало не по себе. — Я за порядком слежу. А какой это порядок, если заключенные будут делать все, что им вздумается? Законы зоны строги, но справедливы.

— Но все же спасибо еще раз...

Уголовник сплюнул себе под ноги и, махнув рукой, ушел.

— Эх, ни черта ты не понял, Мажор. — Бормотал он при этом. — Молодой еще, что с тебя взять...

Оставшись один, я прошел в последний необследованный корпус, а именно хозяйственный. Здесь ошивался весь рабочий персонал, которого, кстати, не наблюдалось. Коридоры были пусты. "Неужели здесь нет персонала?" — Подумал я, — "будто вымерли все".

Ответом мне послужил странный, едва слышный шорох. Вот же, прям за поворотом. Стоило только выглянуть, и я увижу его...

Осторожно вытянув шею, я выглянул за поворот и с огорчением вздохнул. Штопор сидел на корточках и, бормоча себе под нос, занимался своими делами.

— Штопор... — Тихо позвал его я.

В ответ тот от неожиданности подпрыгнул, отбежал к противоположной стене и прижал к себе половину бургера. Вторая же половина лежала в миске. Миска стояла на полу, и кроме бургера там была и другая еда. Впрочем, едой это назвать язык не поворачивался. Она уже давно пропала, скукожилась и сплесневела.

— Я это... я для собачки... — Заскулил заключенный. — Та еда, что нам дают, ей не нравится! А вот бургер пойдет! Для собачки же. Не для меня!

Он закрутился на месте, будто пытался таким образом провалиться под землю.

— Боюсь, она не оценит твое благородство. — С грустью промолвил я, поглядывая на пропавшую еду. — Лучше бы сам бургер съел.

— Нет-нет, а как же собачка? Она же голодает, я... я так не могу. Половину себе, половину ей, все по честному. Она же животинка! Нельзя, чтобы голодала!

Что действительно было жаль, так это то, что Штопор чуть не погиб, добывая еду, а в итоге она зачерствеет и покроется плесенью.

Штопор отвернулся, и я слышал, как он, причмокивая, терзает зубами свой трофей. Он делал это как зверь. Мешать ему не хотелось. Поэтому я покинул странного заключенного и пошел дальше. Попутно зарисовывая на карте все, что только видел. Эх, мне бы в картографы пойти, глядишь, и не оказался на этой планете.

Очередной шум привлек мое внимание, и я на цыпочках, издавая меньше шума, начал двигаться к перепутью. Шум становился громче, затем послышались шаги. Это человек уже радуется! Я вышел на открытый участок и замер. Передо мной в метрах десяти стоял мужчина, он был одет в нашу форму, вот только значок... значок на груди соответствовал цифре семь. Вот тот, кого я хотел увидеть. Но минуточку! Это же не его блок, а доступа к дверям у заключенных нет или же у этого парня он имелся? В любом случае нужно расспросить.

— Подождите! — Я начал подходить, но мужчина развернулся и начал удаляться.

Я перешел на бег, а он шел обычным шагом и все равно продолжал удаляться. Я припустил что есть мочи, но расстояние только увеличивалось. Да как такое возможно? Он же идет прогулочным шагом! А я бегу! Уже запыхался и сил нет!

Мужчина зашел за угол.

Я влетел, но его уже не было. Зато был медотсек. Я тут же вспомнил обаятельную медсестричку и заулыбался. Кстати, дверь была открыта, а внутри слышались подозрительные звуки. Мысли о странном мужчине сменились интересом, и я заглянул туда. Картина, которую я увидел, повергла в настоящий шок. Медсестра сидела на столе, халат был расстегнут, виднелась оголенная грудь, а между ее ног стоял Амбал. Громадная машина двигала оголенным задом при этом издавал: Ух-ух-ух. Медсестра не отставала: Ах-ах-ах.

Вот же сучка, — я почувствовал укол ревности, — даже и не думает сопротивляться! Глаза прикрыла! А Амбал, он как старается, покраснел весь!

Процесс продолжался с минуту, затем здоровяк меня заметил.

— Мажор, ты что здесь забыл? — Угрожающе зашипел Амбал. — Вали отсюда, пока ноги целы!

И я побежал!

А за дверьми снова слышались характерные звуки.

Глава 9: Кокон

Вот значит так они, прямо на столе... прямо... прямо... на моих глазах! Стены тоннеля уводили все дальше от медкабинета. Я бежал, не оглядываясь, боясь увидеть позади огромную гору мышц с опущенными штанами и все себя от злости. Я не понимал, что было больше: чувство обиды или же чувство страха. В тот самый момент я видел его глаза. И если бы не сбежал, Амбал бы точно меня уколошил! Вот как она со мной... я бы простил ей кого угодно, только не его!

Я свернул, едва не прицепившись о собственные ноги, и только чудом кубарем не покатился по металлическому полу. Я остановился! Бежать уже не имело никакого смысла. Оглянувшись, то никакой погони не заметил. Эта парочка осталась там, продолжая свое неоконченное грязное дело. Я снова вспомнил оголенный бюст медсестрички и нелицеприятно отозвался о ее легкомысленной натуре.

Нужно было возвращаться, времени и так много потрачено, и вскоре исследователям придется выходить наружу. Этот факт порадовал и пусть ненадолго, но затмил неприятный инцидент у медкабинета. Шел я уже спокойно, по пути обдумывая увиденное. Я вспомнил Штопора. Этот заключенный и сам был похож на зверя, дерганый какой-то, нервный. Парень явно не в себе и наващивая идея кормить домашнего питомца явное тому доказательство. Я не был психологом и понятие не имел, откуда у Штопора появилось подобное наваждение. Возможно, всему виной детская травма и он не смог пережить смерть своего любимого питомца, кто знает. Я тут вспомнил странного парня с нашивкой «семь» на груди. Кто же он такой, а главное, как он смог так ловко уйти? Я же должен был его догнать, так ведь? Мне почему-то казалось, что этот старожил мог бы многое объяснить. А так же, что он знает все ответы на вопросы, терзавшие мою душу.

Я обязательно разыщу этого «Семь» чего бы мне это не стоило! — Решил для себя я. — А может... может, он опасен? И там, в хозяйственном отсеке, он выслеживал себе очередную жертву, но я его спугнул?

От этой мысли я пришел в ужас: а что, если «Семь» охотился на медсестру!

Нет! Было бы это правдой, то она бы давно была мертва. С его-то ловкостью, парень бы давно ее подстерег, и возможностей для этого было предостаточно! Но на всякий случай нужно спрашивать о смертях, не пропадали ли на базе люди! Правда, учитывая собравшийся контингент, маньяком мог оказаться кто угодно!

Я высунул из кармана самодельную карту и углубился в изучение.

Ага, вот тут, если повернуть направо и пройти несколько перекрестков, то я смогу выбраться к жилым секторам, а там уже, минуя столовую, к выходу. Приблизительно около сорока минут и я буду на месте. По пути я встретил миску с лежащим на ней половиной бургера. За это время никто так к нему и не притронулся. Еда выглядела достойно, от одного только взгляда появлялись слюнки. Естественно, подбирать с пола я ничего не собирался, и просто продолжил путь. А вот Штопора уже не было, видать ушел к остальным. Я снова оглянулся, всматриваясь в темноту. А ведь здоровья все еще не было...

Выйдя из хозотсека, я зажмурился, так как яркий свет ударил в глаза. А я ведь не сразу осознал, что все это время шарился в полутьме. Там, внутри, все казалось намного светлее, чем есть на самом деле.

Здесь уже никого не было, так же пустовала и столовая.

— А, вот ты где! — Салага увидел меня и начал махать рукой, привлекая внимание. —

Ты вовремя, нас уже собирают вместе.

— Да-да! — Закивал головой Инженер. — Посмотри на эту очередь.

Длинная цепочка уходила в темноту.

— Мы решили тебя подождать, вместе веселей. — Подмигнул Салага.

С его словами я был согласен целиком и полностью. Лучше держаться вместе, так я себя чувствовал в большей безопасности. Хорошо, что они не ушли, я это запомню!

Мы заняли очередь и начали долгое ожидание. Видимо, очередь и ждать — в этом месте занимало особое сакральное место. Такой себе биологический конвейер, который без конца куда-то двигался. Зацикленный процесс, о котором я пока не догадывался.

Очередь окончилась комнатой с двумя дверями и странным аппаратом посередине. Охранник приказал нашему врачу ввести свое имя. Он прошелся по клавишам, после чего охранник указал ему на правую дверь. Следом позвали Салагу, он так же ввел свое имя, и охранник показал ему на левую дверь.

Следом шел я.

— Подойди! — Приказал охранник, когда я оказался рядом с механической машиной, а после приказал. — Введи свое имя.

Я улыбнулся.

На экране появилось имя Анатолий. Вдруг экран покраснел, а на нем появилось табличка: «неверное имя». Тогда я ввел полное имя: Исаев Анатолий Вячеславович. Результат тот же. Экран мерцал и выдавал ошибку. Подумав, я ввел «Мажор» и экран загорелся зеленым. Надо же, даже компьютер не принимает настоящего имени, во дела.

Охранник показал на правую дверь. Все же с Салагой мы вынуждены разделиться! С этими мыслями я вошел внутрь.

Так же ко мне присоединился Инженер и Григорий. К тому же здесь уже находилась и неизменная тройца. Я с опаской посмотрел на Амбала.

— Понравилось представление? — Только и сказал он, буравя меня взглядом.

Я отвернулся, и обратился к Григорию.

— Слушай, а у вас на базе часто пропадают люди?

— А? Что? Куда пропадают? — Всполошился тот.

— Бесследно. — Добавил я.

— Навсегда, что ли? — Нахмурился мой сокамерник. — Бывает, но я не жалею... вдруг они курили. А я курящих не люблю!

— Все же пропадают...

Я погрузился в мысли. В этом замешан, тот парень с цифрой семь или же орудует кто-то другой? Тем не менее, поворачиваться спиной к старожилам не следовало. Тут я скосил взгляд на бледнолицего. Да и новеньким доверять не стоит...

Инженер, заметив мой взгляд, признался:

— Я боюсь... — его ноги действительно дрожали. — Зачем нас разделили?

Я вопросительно посмотрел на Григория.

— Наверное, другая дверь для курящих. — Лишь пожал плечами тот. — Я-то всегда сюда ходил.

Ждать долго не пришлось, так как стены разъехались, а внутри оказались орудия труда, похожие на кайло, которым древние люди работали на каменоломнях. Протянув руку, я взял кайло. Увесистая штука и опасная. Мой взгляд пал на Амбала. Он стоял спиной и

крутил в кулаке такое же орудие. Соблазн вонзить острие в спину был велик, но, о переборках себя, я положил кайло на плече, и наша братия пошла к выходу.

Вскоре мы воочию встретимся глазу на глаз с нашей капризной хозяйкой, которая приютила у себя непонятных личностей. Мы исследователи или же завоеватели? Враги или же друзья? Как планета с индексом вместо имени встретит инопланетян?

Вопросов было много. Они нескончаемым потоком лезли в мою голову!

Что же скрывает ее недра, раз правительство все еще не забросило надежды заселить ее поверхность. Десять лет — это большой срок и уйма потраченных денег, которая пропала в никуда. Да, за это время можно заселить с десятков таких планет. Но нет! Они все продолжали биться, упорно не признавая капитуляции.

Выход становился все ближе.

Внутри толпы я не боялся ничего и никого. Пускай я и не знал большинства из них, но сейчас ощущал себя одним целым. Мы, новенькие и старожилы, шли вместе. Мое тело наполнялось решимостью.

— Мне... мне страшно. — Скулил бледнолицый. — Не хочу...

Амбал, поигрывая мышцами, смотрел только вперед. Видимо, и ему уже не терпелось оказаться снаружи. Рядом с ним шел бывалый, я заметил на его костюме уже знакомый черный коробок. Такой же коробок себе нацепил Депутат и Амбал. Кстати, о Депутате. Он так же не выказывал страха, хотя заметно нервничал.

Выход был совсем рядом!

Подошвы выбивали ритм, выцокивая каблуками о металлическую решетку. Тридцать пар обуви шли практически в унисон! Это выглядело грозно и даже внушало уважение. Мы не были простыми заключенными, а отныне носили гордое имя, исследователи! Нам с кайлом на плечах, шагая нога в ногу, не терпелось выйти наружу.

Двери выхода противно запищали, а над ними проплыла строка «осторожно, врата открываются»

Из образовавшейся щели появилось фиолетовое свечение, а в лицо ударил свежий ветер. Чем больше становился проем, тем четче ощущались запахи и звуки! Все же планета без имени действительно была жива! Ее дыхание ощущалось даже отсюда.

— О Господи... — сбоку донесся голос Инженера.

— Что же это... — голос принадлежал врачу.

Врата продолжали открываться, явив нам мир, который все это время жил вне нашего кокона — за пределами базы.

Глава 10: Рудник

Увиденное нельзя описать одними лишь словами.

Буйство красок и сказочные пейзажи, непохожие ни на что виданное ранее, и вот наши новенькие оказались среди всего нового, загадочного и невообразимого для обычного человеческого восприятия. Воображение даже самого безумного художника не смогло бы осилить то безумие, что творилось снаружи.

Все увиденное казалось сном!

Мыльные пузыри появлялись из самой земли и медленно поднимались все выше, туда, где небесные киты мирно плавали среди облаков, даже не замечая столь крохотных людишек. Они бороздили просторы и лишь изредка издавали приятные звуки. Это еще не все! А вот шло невиданное раннее каменное животное. Голова и шея отсутствовала, а верх был покрыт мхом, при этом животное причудливо перебирало четыремя ногами, будто путаясь в них запутаться. Трава шевелилась не за, а против ветра, при этом то и дело выпуская вверх семена. Птицы-вьюны подлетали, хватали их в клювы и тут же улетали.

Я поднял ногу, пропуская вперед краба с многоярусным панцирем, в котором сидели его детишки. Даже ходить по планете было необычно, почва казалась мягкой, будто идешь по подушке, а не по твердой поверхности. Запахи были столь неординарные и ни на что не похожие, что даже заболела голова.

Так вот ты какая, планета без имени! Хотя бы нет адского пламени, как я думал ранее. Ну а если серьезно, то я пребывал в некоем ступоре и не приставлял как вести себя дальше.

— Я легкий, посмотрите! — Новенький наступил на белый пузырь и подпрыгнул на высоту двухэтажного дома. — Я могу летать!

Кто-то засмеялся, а кто-то уже всюду бежал к белому пузырю.

— Дай я попробую!

Теперь то и дело вверх подлетали три тела, а затем плавно опускались вниз. "А это забавно, — подумалось мне. — "Все же теперь можно было расслабиться".

Вдруг один подпрыгнул слишком высоко, тело повисло в воздухе, затем резко понесло, унося исследователя все дальше от базы. Остальные прыгающие остановились и растерянно поняли головы, наблюдая за тем, как вопящего мужчину уносило куда-то вдаль. Крики привлекли хищную птицу. Она среагировала мгновенно. Растопырила когтистые лапы и, подхватив жертву, размахисто двигая крыльями, улетела прочь.

— Здесь вам не отдых! — Вперед вышел человек с белыми волосами и широкими скулами. — Если не хотите умереть, не делайте глупостей.

— А что является глупостью? — Крякнул кто-то из новеньких.

— Глупость, это прилететь на эту планету. — А затем прокричал. — Быстро садитесь в транспорт! Кто замешкается, останется здесь до самого вечера!

В один миг мир из сказки превратился в нечто хищное и опасное. Поэтому оставаться здесь в одиночку никому не хотелось. Ведь кто знает, какие еще сюрпризы могли поджидать чужака.

Я быстро залез внутрь стальной прямоугольной коробки и, прижавшись к креслу, пристегнулся. Излишняя беспечность могла сыграть злую шутку! Все же это была неосвоенная дикая планета. Опасность могла подстергать на каждом шагу. Блондин с номерным знаком «три» подгонял зевак, и когда все оказались на борту, корабль натужно

поднялся вверх. Транспорт качнуло и, будто оседлав воздушный поток, он устремился вперед. Невидимая дорога несла наш транспорт и нас вдаль. Видимо, эти потоки служили неким путеводителем, по которым можно добраться до нужного места за считанные минуты. Именно в такой поток и угодил тот бедолага. Не удержавшись от соблазна, я посмотрел в смотровое окно. Картина, несмотря на чувство тревоги, по-настоящему завораживала. Как такового страха не было, и я просто наслаждался, наблюдая за тем, как на землю падает странное ядро зеленого цвета. От удара ядро рассыпалось на мелкие частицы, а на месте падения образовалась воронка, открывая взгляду серое нутро планеты. Так вот как ты выглядишь без всей этой растительности, — подумал я. Через секунду на месте удара начал образовываться мох, а так же трава. И даже минуты не прошло, как в углублении снова буяла густая растительность, даже появлялись ростки будущих деревьев.

— Любопытное зрелище. — Голос врача меня отвлек, и я поднял голову.

Оказывается, все это время в окно смотрел и он. Парень общался не со мной, а всего лишь вслух восхищался увиденным.

— Вот бы человеческие раны так быстро заживали. — С грустью заключил врач.

А вот это уже предназначалось мне.

— Особенно душевные... — Тихо произнес я.

— За что оказался здесь? — Врач прислонился к креслу, но взгляда не отвел.

— За убийство жены. — Мне хотелось выговориться, ведь тяжкий груз лежал на душе.

— Зачем ты убил ее?

Я вздрогнул. Врач говорил на полном серьезе. Он не осуждал, а всего лишь говорил, что думает.

— Я был бизнесменом. Хорошим, могу уверить, — прикрыв глаза, я начал изливать душу незнакомцу, с которым вместе смотрели в смотровое окно. — И, конечно же, в моей сфере деятельности крутились огромные деньги. Некоторые из мафии захотели их себе.

— А что ты сделал? Отдал?

— Я послал их куда подальше. — Тяжело вздохнув, я продолжил рассказ. — А когда пришел домой, то застал жену на полу уже мертвой.

— А что законники сказали?

— Они не стали разбираться, и вот я здесь. — Устало улыбнулся я.

— Во дела, так ты, получается, ни в чем не виновен? Во дела!

Я еще что-то хотел ответить, но тут корабль поменял курс, и мы сели на поверхность. Двери открылись, призывая пассажиров покинуть транспорт. Первым вышли опытные, а мы, новенькие, ученные горьким опытом, плелись в хвосте. Амбал, оказавшись на поверхности, поднял кайло вверх и закричал, что есть сил, будто бросая вызов дикой планете. В этот самый момент он действительно походил на орангутанга. Бывалый и Депутат вели себя более сдержанно.

Затем мой взгляд нацелился вперед, и я замер. Впереди стояла огромная стена, поросшая мхом, и больше ничего здесь не было. Густая поросль преграждала путь. Неужели кайло предназначалось именно для этого? Может скала все же каменная, просто ее не видно из-за густой растительности. Приблизившись к отвесной стене и протянув руку, я коснулся зелени. И тут же отпрянул руку. На пальце выступила кровь. "Мох острый, как бритва." — удивился я, — "и крепкий, как камень".

При касании я почувствовал прочность, совсем не свойственную растениям.

Цок-цок-цок!

Кто-то из старожиллов уже принялся махать кайлом. Острие входило в зелень, осыпая владельца снопом искр. Мои предположения о твердости подтвердились! Я поднял орудие и последовал его примеру. По округе пронесся металлический звон, а в зеленой стене образовалась расщелина.

Так мы работали допоздна, но смысла в происходящем я так и не увидел. Мох не хотел поддаваться. Он звенел, искрился при ударах и отпадал лишь кусками. Помня остроту растения, я осторожно ступал на землю, стараясь не наколоться на иглы.

Удар!

Очередной кусок мха отвалился, а под ним засияло нечто синее, верхушка которого очень напоминала яйцо. Оставив кайло в сторону и осторожно взявшись за край, я начал раскачивать предмет из стороны в стороны. После долгих попыток странный предмет оказался у меня в руках. Размером с ладонь он действительно напоминал яйцо.

— Эй, эй, что это такое? — Закричал я, привлекая внимание. — Здесь какое-то яйцо! Синее и оно светится!

Мне никто не ответил. Но я заметил, как один из старожиллов опустил кайло и вытащил из зелени такой же предмет. Взяв его в руки, он понес его к контейнеру. Пожав плечами, я поступил так же и принялся снова долбить чрезмерно крепкий мох.

Руки за целый день ужасно гудели. Местное светило оранжевого цвета уже начало свой спуск за горизонт, и как-то быстро начало темнеть.

Этих яиц синего цвета насобиралось около пяти контейнеров. В сумерках, они еще ярче сияли и, мерцая, переливались желтым ореолом. Вскоре послышался гул грузового транспорта, и вот, когда тот приземлился на поверхность, из него выехали погрузчики. За одним из таких сидел Салага. Он мастерски управлялся с механизмами. И вот он поднял один контейнер и начал затаскивать его в свой транспорт. Так вот куда его забрали. Правая дверь, значит, для рабочих, а левая для водителей.

— Продолжайте работать! — Из грузового транспорта вышел охранник и начал подгонять исследователей.

А ведь кайло стало гораздо тяжелее, чем было вначале. Или же это руки уже не слушались! С трудом я занес орудие над головой и пару раз прошелся по скале. Результатов это не принесло, и я остановился, чтобы перевести дух. Светило уже совсем село. Но в полутьме я кое-что заметил. Что-то странное! Вот же! Вот! Григорий продолжал долбить скалу, а на его ноге висела черная жижа и, причмокивая, пыталась разгрызть костюм.

— Григорий! — Испуганно позвал его я.

Но тот не слышал.

— Григорий, твоя нога! — Я остановился в метрах десяти и начал кричать. — У тебя какая-то хрень на ноге!

Мой сокамерник остановился и посмотрел в мою сторону.

— Ты о чем говоришь? С тобой все хорошо?

Вот уже черная жижа прогрызла костюм, и принялась желать его ногу. Но Григорий, не издав ни звука, продолжал стоять, как ни в чем не бывало.

— Мажор, странный ты! Уже хрень кажется, ты меня пугаешь!

Тварь осмелела и, уже не стесняясь Григория, обвила его конечность темными щупальцами.

Тогда я подбежал к охраннику и, указывая на сокамерника, прокричал:

— Там... там черная хрень ест заключенного, сделайте что-нибудь!

— Кто ест? — Удивленно крякнул охранник.

— Жижа! Жижа ест Григория! — Обернувшись, я увидел, как черная, сливающая со тьмой тварь уже практически исчезла в костюме.

— Нет там ничего. — Угрюмый охранник подумал, что я шучу. — Работать иди, нечего тут сказки рассказывать!

Остаток черной жижи исчезла в костюме, и Григорий снова принялся долбить мох.

— Видишь, все нормально. Ты это... иди-иди, мы и так выбились из графика! — прогнал меня охранник.

Я с печалью посмотрел на Григория, затем перевел взгляд на контейнеры.

— А что это за яйца? — Поинтересовался я.

— А ты я посмотрю, тут самый любопытный? — Охранник коснулся пальцами дубины, которая висела у него на ремне. — Тебе какое дело?

Я покосился на пояс.

— А все же? — Любопытство было сильнее.

— Работать иди. — Приказал тот. — Лучше бы руками работал, чем языком!

Я вернулся к работе и краем глаза посмотрел на Григория. Тот лупил в стену что есть сил и казалось, что все хорошо. Но тут он остановился и закашлялся. Нездоровый такой кашель. И почему то я был уверен, что причиной его кашля была та самая странная жижа.

Глава 11:Схватка

Возвращаться на базу было тяжело. Ведь по возвращению холодный неживой металл казался всего лишь мертвым куском железа, чуждый этому миру! Пустая бездушная скорлупа! Без сердца! Без эмоций! Иностраный предмет на теле планеты! Но я осознал это лишь в тот момент, когда моя нога ступила на ребристый пол базы.

Сказать, что я устал, это ничего не сказать. Руки были в мелких порезах да царапинах. Хотя я и был осторожен, но это не уберегло меня, и все равно каменистому мху удавалось достать до моей кожи. Ну, хотя бы форма на мне осталась цела, и то радует.

Сзади послышался жуткий кашель. Это был Григорий, бледный, как сама смерть, он поравнялся со мной. Увидав его, я даже забеспокоился за его здоровье. Впалые щеки и бледная кожа явно говорили о неприятностях.

— С тобой все в порядке? — Вспомнив ту тварь, которая влезла в его костюм, меня передернуло от омерзения — Может, тебе в медотсек сходить, пока не поздно?

Мажор, ты это... начинаешь меня пугать. — Прищурившись, медленно произнес сокамерник. — Ты прекращай это!

Я поднял руки вверх, развел в стороны, мол, да я просто спросил, ничего личного.

Затем Григорий смягчился и ушел, оставив меня одного. Я бы обрадовался данному факту, но тут ко мне подошел Инженер и показал перебинтованные руки.

— Это я о мох порезался, — радостно извещил он. — Представляешь, он острый, этот мох, о который можно порезаться! Смех, да и только.

Я лишь тяжело вздохнул.

— А яйца видел? — Бледнолицего разрывало от эмоций, и он желал с кем-нибудь поделиться. Этим кем-нибудь, оказался я. — Они такие синие-синие. И что они только там делали, эти яйца.

"Хороший вопрос", — подумал я. Что это за яйца, и почему мы их собираем?

Я припомнил, как первый раз взял их в руки. Несмотря на твердость, яйца казались достаточно эластичными и легкими. Бледнолицый еще что-то говорил, но я, не вслушиваясь в его слова, лишь кивал головой. Душой я был все еще там, посреди буйной зелени, а не здесь, в чреве бездушной базы.

— А еще я положил последнее яйцо. Моя рука была последней, и тут же прогудел отбой! — Похвастался Инженер.

Я снова, не произнеся ни слова, кивнул головой.

Вскоре мы встретились с Салагой, и он подтвердил мои догадки. Парня отобрали и усадили на погрузчик, где он грузил контейнеры, а после выгружал их на склад.

— На складе том контейнеров уйма. Видимо-невидимо! — Рассказывал Салага. — Дс самой крыши! А вы знаете, что в них?

— Там яйца. — Вклинился бледнолицый!

Парень недоверчиво посмотрел на меня.

— Инженер правду говорит. Там действительно нечто, формой напоминающие яйца, — и после паузы добавил. — Только синего цвета.

И что они с ними делают? — Протянул Салага.

— Может, едят? — Наивно предположил бледнолицый.

— Это вряд ли. — Усомнился я. — Слишком много народу задействовано для обычного

деликатеса.

— Тогда, может, топливо, — предположил Салага.

— Или же лекарство. — К нам подошел доктор.

— Жаль, но мы можем только догадываться. Правду нам никто не скажет. —

Припомнив слова охранника, констатировал я.

За целый день тяжелого труда я все равно ощущал сытость в желудке, хотя мы только завтракали. Видимо то желе давало сытость на целые сутки. Что позволяло питаться исследователям только раз в день. Это значительно сэкономило в плане еды. Но я не обижался. Прикоснуться еще раз местной стряпни не очень-то и хотелось, так как все еще подташнивало, стоило только вспомнить о завтраке.

Первый рабочий день окончился.

Вскоре все исследователи разошлись по камерам, и я снова оказался в компании своих сокамерников: Инженера и Григория. Последний выглядел еще хуже, чем сам бледнолицый. Он мало говорил, постоянно кашлял и хрипел. От этого становилось не по себе даже Инженеру. Обстановка в камере была напряженной. Поговорив немного, мы разбрелись по койкам.

Прозвучал отбой.

Меня снова разбудил, чей-то взгляд из темноты. Рука машинально потянулась к фонарику и, взяв его с тумбочки, выставил впереди себя. Фонарь зажегся, выхватив с темноты бледное лицо Инженера, он, как и в тот раз, сидел на этом же месте. Вот только... только...

Рука под тяжестью фонаря затряслась...

На его лице шевелилось нечто. Оно двигалось и обвивало левую часть головы и при этом странно чавкало. Я только сейчас сообразил, что это нечто очень сильно напоминало то существо, которое пробралось в костюм к Григорию. Я резко перенаправил луч на старожилу. От увиденного я готов был закричать. Так я сильно испугался! Я и сам не понял как в этот момент мне удалось удержать источник света в теряющих силу руках.

В тусклом свете я видел койку, а на ней лежал обглоданный скелет нашего сокамерника. Мяса на скелете не было от слова совсем. Просто белый череп, который смотрел на меня темными провалами вместо глаз. Я подпрыгнул и попятился к стене. Темнота насадала. А самое страшное заключалось в том, что по покровом тьмы находилось хищное существо. И сейчас оно... оно ело Инженера.

Дрожащей рукой я направил луч снова на бледнолицего. Чавканье прекратилось, и существо, видимо испугавшись света, уползло вниз.

— Я не хотел тебя пугать, — улыбаясь, произнес бледнолицый. — Ты так сладко спал. Знаю, как ты ругаешься, если на тебя смотрят. Вот я и молчал.

Понимание, что монстр мог оказаться где угодно, не давало расслабиться ни на секунду. Я хаотично вертел фонарем, пытаясь от него отбиться. Это все, что я мог сделать в запертой комнатке рядом с трупом и полуживым Инженером. Сейчас темно, а сам монстр будто соткан из тьмы, это как искать темную кошку в темной комнате.

— Когда я... когда я пришел, это существо сидело у твоей кровати и уже тянуло свои щупальца к тебе, — тем временем говорил Инженер. — Когда я уселся, оно переключилось на меня.

— Уходи оттуда! — Прокричал я. — Залезай к себе на койку и не двигайся!

Я паниковал. Чем больше вертел фонарем, тем отчетливей понимал, в какой заднице я

оказался. Но вот луч света выхватил черную кляксу на тумбочке. Тварь уже готовилась к прыжку! Лишь хорошая реакция спасла мне жизнь. Оказавшись на полу, я услышал, как на матрасе закрипели пружины. Тварь находилась в моей постели!

Схватив Инженера за шиворот, я поволок парня, в его же угол.

— Будь здесь и не шевелись! — С этими словами, я забросил его на койку.

Бросив сокамерника одного. Я отошел к центру комнаты и направил фонарь на свою постель. На матрасе уже никого не было. Тварь снова сбежала и теперь скрывалась под покровом тьмы. Готовилась к очередной атаке. У меня в голове возникал лишь один вопрос: где же ее искать? Я бросился к своей тумбочке. Открыл ящик и вытащил оттуда нож. Видит Бог, не зря его припрятал во время завтрака, правда, им я хотел защититься от Амбала, а теперь послужит другой цели. Вооружившись ножом и фонарем, я начал рыскать по камере в поисках незваного гостя. Было тихо. Было тошно. И было страшно. Я понимал, что Григорий уже мертв. А вот присоединиться к нему не хотелось! Я опустил фонарь себе под ноги. Луч выхватил щупальце. Оно обвилось вокруг моей ноги, и я упал! От удара фонарь покатила по полу и погас. А в это время, что-то село на грудь, обвило горло и начало сдавливать! Я оказался в западне! Попытки вырваться успехов не принесли, да и размахивать ножом в темноте смысла не имело. Лезвие рассекало воздух и на этом все.

Как же тяжело дышать! Не хватает воздуха! Даже кричать уже не в силах!

Тут я с ужасом понял, что умираю! Я проиграл битву, и мне не выбраться из крепкой хватки. Закончу, как и Григорий, а поутру найдут два скелета, а возможно, и три...

Вдруг откуда-то сверху ударил яркий свет! Тварь истошно завопив ослабила хватку.

Вот он, мой последний шанс!

И я ударил! Нож вошел в черное брюхо. Ага, попалась! Я продолжал наносить удар за ударом, пока монстр не стек черной жижой на пол.

— Как... как ты? — Заикаясь, поинтересовался Инженер, который держал в руках фонарь. — С... с тобой все в... в порядке?

Я отобрал фонарь и осветил недавнее место схватки. Жижка уже не шевелилась, и похоже было, что на этом все кончено. Я сел на край койки и, боясь выключить единственный источник света, смотрел на черную кляксу.

— Спасибо тебе, Инженер. — Поблагодарил я своего спасителя. — Ты мне жизнь спас.

Бледнолицый, бормоча что-то себе поднос удалился.

Глава 12: Шмыга

И эта ночь не стала исключением. Я снова не выспался!

И вряд ли бы кто-то смог уснуть, зная, что рядом лежит скелет, который еще вечером был живым человеком, и что по камере бегают какая-то неведомая тварь. Но жижа так и не ожила. Утром черное пятно исчезло, не оставив после себя и следа.

Я боялся, что у охраны, увидев мертвого заключенного, появятся вопросы. Но никого не было! Двери, как и в первое утро, автоматически открылись, выпуская нас наружу. Я вышел, а следом поплелся и Инженер. Я боялся, что тварь оставит шрамы и на его лице, но, к счастью, существо не успело как следует опробовать его на вкус.

В памяти закрепились слова бледнолицего, что жижа сидела у моей кровати, а я в это время мирно посапывал в две дырочки. Это говорило о том, что я не буду спать ближайшие несколько дней. Выходит, он спас меня дважды: первый раз, когда переменял жижу на себя, второй раз, когда включил фонарик. Все же в этом человеке было и пугающее, и благородное одновременно.

— Идем, Мажор! — После этих слов у бледнолицего заурчало в животе.

— Пойдем! — Похлопал я его по плечу, и мы пошли искать остальных.

Салагу и его сокамерников догнали уже в столовой. Поприветствовав друг-друга наша компания встала в очередь.

— А где третий? — Удивился Доктор, когда не обнаружил с нами Григория.

Я снова припомнил эту жутковатую картину. Скелет, облаченный в черно-зеленый костюм, отдыхавший в постели. Где-то засосало под лопаткой, и руки предательски затряслись.

— Он отдыхает. — Только и сказал я, не в силах произнести вслух правду.

— А, ясно! А то он вчера неважно выглядел, надеюсь, с ним все будет в порядке. — Огорчился Врач.

— И я надеюсь. — Совсем тихо произнес я.

Бледнолицый лишь моргал глазенками и переводил взгляд то на меня, то на паренька. Хорошо еще, что он промолчал и не сказал лишнего.

Еда была такой же, как и вчера. Видимо, рацион здесь не менялся и всегда складывался из одних и тех же продуктов. Я посмотрел на поднос, оценивая, стоит ли есть все или же обойтись вчерашним деликатесом. Краем уха услышал, как второгодки, общаясь между собой, говорили, что нужно есть все. Если обойтись чем-то одним, то это может привести к ожирению, а так же появится большой живот. Тут я вспомнил Григория, у которого и правда был большой живот, а он ведь ел только одно из пяти блюд.

Уселись мы на том же месте и практически той же компанией, что и вчера. Затем все дружно приступили к трапезе. Еда не стала более аппетитней на вид, даже наоборот, тащить ее в рот не хотелось вовсе.

В это время рядом с нашим столом проходил Амбал.

— Вы бы видели свои рожи. — Засмеялся он. Вид тщательно жующих людей показалось ему забавным. — Мажор, ты похож на хомяка! Такой же мерзкий и с полными щеками.

Я проглотил желе и элегантно вытер салфеткой губы.

— Возможно, я могу стать и хомяком, но ты никогда не поднимешься выше и навсегда останешься деревенщиной и жителем трущоб!

Бессонные ночи сказывались на внутреннем состоянии, и сейчас я был раздражен. Насмешка здоровяка стала последней каплей!

Надо было видеть эти глаза. Амбал завелся, а из носа начал вырываться пар, как у быка. — Тебе пиздец, Мажор! — Отреагировал он и пошел в мою сторону.

Подойдя к столу, он взял меня за костюм и поднял над собой, словно пушинку, а не человека весом в девяносто килограмм. Пудовый кулак подпер горло, что затрудняло дыхание.

— Я смотрю, ты мечтаешь встретиться со своей женушкой. — Пригрозил Амбал, а зачем добавил. — Которую сам же и убил.

— Я... не убивал ее. — Через силу выдавил я из себя. — Я... уже это говорил...

— А как же. — Лицо здоровяка исказилось, оно стало более злым, и даже надменным.

В это время, пока ноги болтались в воздухе, а горло подпирал кулак, я сунул руку в карман и с ужасом осознал, что нож остался в камере. Все, что у меня имелось — это поднос и собственные кулаки!

Нужно признать тот факт, что мои ручки ни в какое сравнение не шли, и я тут же отмел этот вариант! Поэтому, бросив в задиру подносом и оказавшись на земле, я начал бежать. Хорошо, что столов было много и легко можно затеряться...

Но тут на пути встал депутат и, улыбаясь, прокричал:

— Амбал, он здесь!

Зверь повернул голову и направился ко мне. Он, как тот ледакол, шел, разбрасывая столы, которые мешали передвижению. Звон подносов, разбросанная еда и удивленные взгляды провожали здоровяка.

— Сделай из него котлету, — улыбнулся Депутат и добавил. — Ты же можешь это!

Депутат отступил, давая мне пройти. Какой же подлец! А ведь он не собирается мараться и все хочет сделать чужими руками. Сволочь! Даже не знаю, кто в этой ситуации хуже — Амбал или же эта крысиная морда.

Медлить дальше было нельзя, и я снова побежал.

Но как не старался, здоровяк все нагонял. Не хотелось представлять, что этот бугай со мной сделает, если поймает. Тяжелое дыхание било прямо в спину. Такое размеренное и спокойное, что казалось, он совсем не запыхался. Ну а я с каждым движением неумолимо терял силы.

Теперь мне точно конец!

Я выбежал из столовой и попытался затеряться в коридорах, но и это оказалось бесполезно. Амбал не отставал.

Он... он же меня убьет!

— Сдавайся, Мажор! — Как гром среди ясного неба прогремел басом здоровяк.

Пересекая очередное распустье, я заметил человека. Того самого, с номером семь на груди, он стоял, прислонившись к стене, и как только я пробежал, он выставил ногу, через которую споткнулся Амбал.

Туша упала громко и, вероятней всего, больно!

— Я тебе сейчас шею сверну! — Взревела гора мышц.

Но когда он поднялся, то уже никого не было. Человек с номером «семь» исчез, будто сквозь землю провалился.

— Эй, что за фокусы! — Недоумевал Амбал.

Пока здоровяк потерял меня из поля зрения, я убежал.

Амбал, почесывая ушибленную руку, пошел обратно. Ну а я решил выждать время перед тем, как возвращаться. Коротая время, я принялся бродить по лабиринтам, пытаюсь дорисовать то, что еще не было на карте. Медотсек я обогнул стороной, чтобы не нарваться лишний раз на жителя трущоб и не злить его еще больше.

Время тянулось невыносимо долго, но, кажется, прошло около часа.

Я вышел наружу, и вот мне на пути попался Депутат. Он шел в жилой сектор.

Увидев меня, бывший чиновник остановился:

— Вижу, ты живой, — проговорил депутат. — Жаль, а я так хотел повеселиться.

— Для тебя веселье — это натаскивать Амбала на людей? — Удивился я.

— А почему бы и нет. — Депутат пригладил волосы. — Он как животное, с ним интересно.

— А вдруг кто-то погибнет? — Воскликнул я.

— Это уже не мои проблемы. — Он лишь отмахнулся. — Это проблемы самих людей.

— Но... ты же депутат, должен помогать и поддерживать. — Я искренне не понимал мотивов этого человека.

На что Депутат ответил:

— Когда это мы помогали? — В голосе чувствовалось удивление. — Я тебя умоляю, Мажор.

— Это мерзко. — Добавил я.

Разговор не клеился. Этот напыщенный индюк все меньше мне нравился. Распрощавшись, мы разошлись, и я направился к выходу.

Далее день был таким, как и вчера. Исследователям выдали в руки по кайлу, после чего мы пошли долбить мох. День повторился за одним лишь исключением. Амбал то и дело бросал в меня недобрые взгляды, но пока ничего не предпринимал, так как на транспорте имелась охрана.

Так что можно было расслабиться и подумать о чем-то другом.

Мне было вот что интересно: а мы постоянно будем вот так махать орудием? И если да, то в чем тогда заключается наша исследовательская миссия? Чем мы отличаемся, например, от рудокопов? Добыча яиц — это не то, чем должны заниматься исследователи. Слишком все непонятно и завуалировано. Охрана молчит, да и у заключенных спросить не у кого. На этой планете все слишком сложно и не поддается логике. Будто все вокруг перевернулось с ног на голову.

Голова раскалывается от подобных мыслей! Я бы и не думал об этом, но они сами атаковали мозг, пытаюсь разорвать его на части.

День закончился усталостью. Я был вымотан. Ни с кем не хотелось говорить. Кисти рук от порезов начинали печь. Если так пойдет дальше, то придется обратиться к медсестре. Правда, после интима с Амбалом я девушку больше не наблюдал и не знал, какотреагирую на ее появление.

Приняв душ, я с Инженером направился в камеру. Туда, где нас ожидал отполированный до блеска мертвый Григорий.

Но какое было удивление, когда, войдя в камеру, уже никакого Григория не было, а на его койке сидел блондин с широкими скулами. Тот самый, который в первый день командовал погрузкой.

— Я Шмыга! — С ходу представился он и как-то оценивающе посмотрел на нас с бледнолицым.

Глава 13: Мы квиты

— А где Григорий? — Растерянно поинтересовался Инженер, который между делом прятался у меня за спиной. Он высунул голову и снова спрятался.

Шмыга сидел на его койке. На тумбочке были его вещи, и все указывало на то, что он и является третьим сокамерником. Но кто тогда убрал скелет прошлого жильца???

— Я за него! — Повысил голос новичок.

Но, судя по его значку, новенькими здесь были мы, а не он.

— Нам об этом никто не сообщал. — Не уверенно заявил я, пытаюсь не сильно давить на блондина. — Хотя бы предупредили...

— Так я вам сейчас говорю! — Сказав это, он хлопнул себя по ноге. — Разве этого мало?

— Да, но охрана...

Может, Григорий и был своеобразным человеком со своими странностями, но к нему я уже приспособился. А что ждать от белокурого Шмыги, не ясно. Парень был широкоплеч, довольно-таки подтянут — полная противоположность прошлого сокамерника.

— Они в курсе. — Уверил Шмыга, даже глазом не моргнув.

Как-то все странно получается! Охрана была в курсе о ночном происшествии, а значит, они точно знали о Григории. Убрали его труп и заселили третьегодку. Но даже не поинтересовались, как именно он умер? А вдруг мы с Инженером его по-тихому задушили? Ага, а потом съели...

Да, так себе версия, если честно. Ведь парень-то был обглодан с ног до головы, вряд ли человек на такое способен.

От раздумий меня отвлек строгий голос сокамерника:

Значит, я представился, а вы все молчите. — Укорил нас Шмыга. — Хотя бы клички назовите для начала!

— Я Мажор. — Представился я сокамернику. — А это Инженер.

Я отошел, показывая худощавого мужичонку, который горбился и трусливо озирался.

Шмыга перевел взгляд с бледнолицего на плакат, который висел на стене.

— Не курить! — Прочел вслух надпись.

Затем Шмыга сорвал его и выбросил его в урну.

— А Вы курите? — Тихим, едва слышным голосом проговорил Инженер. — А то здесь не курят...

— Как не курят? — Удивился он.

Шмыга посмотрел на закопченный от дыма потолок.

— Да вот так. — Пожал плечами бледнолицый. — Таков закон в этой камере.

Инженер спрятал голову в плечи и принялся ждать ответа. Он и так едва не умер от сигарет и дыма, и повторения ему не хотелось.

Шмыга порылся в карманах, достал оттуда пачку сигарет. Вполне дорогие, обычный человек себе такое едва позволит. Блондин повертел пачку в руках и выбросил в урну, где уже покоился плакат.

— Ну, раз не курят, то ладно. — Сев обратно на койку, блондин принялся расспрашивать у нас, кто мы и что мы.

В итоге мы узнали друг о друге очень многое. Шмыга оказался неплохим парнем. Он

был властным, любил командовать, поэтому ввязывался в любые авантюры, где можно было проявить себя.

— Я военный. — Сказал он. — Командир.

— А за что ты здесь?

— Убил генерала, который повел моих бойцов насмерть. — Тяжко вздохнул Шмыга. —

Этот козел заслужил свою смерть и если бы выпал второй шанс, убил его еще раз.

— Ясно. — Посочувствовал я. — Жаль бойцов...

Оглянуться не успели, как протрубили отбой.

Мы легли, и я тут же вырубился. В эту ночь я не просыпался до самого утра!

Понятия не имею, смотрел ли на меня Инженер или же сам спал беспробудным сном.

Эти два дня выдались тяжелыми для нас обоих. Единственное, что я помню, мне снилась прекрасная незнакомка, будто сошедшая со страниц сказки. Она была далеко, но я сумел разглядеть воздушное синее платье, которое полностью покрывало ее тело. Сон был настолько прекрасен, что я бы задержался в нем еще, но тут меня разбудил командный голос Шмыги.

— Подъем, бойцы! Настало время для утренней зарядки! Кто не встанет прямо сейчас, тому сверху накинута еще сто отжиманий. И так, поехали!

Я нехотя сполз с койки и кое-как поднялся на ноги. Выставил руки перед собой и, не раскрывая глаз, принялся приседать.

— Вот так! Молодец, боец!

Между делом подбадривал меня блондин, не прекращая при этом приседать.

— В здоровом теле, здоровый дух! Оп! Оп! Оп!

Я — то наивно полагал, что мои мучения подошли к концу, но нет. Шмыга оказался тем еще фанатиком. И теперь каждое утро у меня будет отнюдь не добрым.

— Оп! Оп! Оп! — Не останавливался Шмыга.

В столовую я явился выжатым, как лимон. Если ко мне подойдет Амбал, то я и сбежать не смогу. Но, к счастью, в столовой я его не видел. Видимо, Депутат накрыл поляну в другом месте, чтобы не смущать людей нормальной едой.

После завтрака всех нас ожидал сюрприз. заключенных согнали к медкабинету для планового обследования, после чего вышла все та же медсестричка. Вот только она... она была беременной. Явно прослеживалась небольшая округлость в районе живота. Данный факт шокировал меня, но больше всего охреневал Амбал. Ведь не так давно он с ней кувыркался на полную катушку. И никакого живота там не было. А по срокам и размерам живота можно утверждать, что ребенку уже с месяц. Хотя прошло всего-то ничего.

Амбал взялся за голову и взвыл.

Еще бы, ведь и так понятно, кто отец ребенка, а он к такому повороту явно не был готов. Здоровяк бросил испуганный взгляд на медсестру и ушел, не сказав ни слова.

Обследование прошло без его участия. А я же, в свою очередь, все пялился на живот, пытаюсь увиденное хоть как-то уместить в голове. Но это получалось с большим трудом.

После обследования к нам с Инженером подошел военный и приказал следовать за ним.

Конвоир доставил нас в подсобку — небольшое помещение с инструментами.

— У нас вышла из строя солнечная панель. — Только и сказал служивый. — Ваша задача устранить неисправность.

— И как мы это сделаем? — Опешил я. Но вот Инженер не возникал, он начал рыться в инструментах, беря с собой все необходимое.

— Отмокай кабеля, да побольше. — Приказал бледнолицый. Голос его изменился, стал более властным и жестким. — И ящик с инструментами не забудь.

Я пожал плечами и отправился к бухте.

— А как же рудники? — Спросил я у военного, наматывая кабель на руку.

— И без вас справятся. — Крякнул тот. — Вы о своем задании думайте!

— Ну, раз уже справятся. — Протянул я.

— Не сомневайся, каждый сможет послужить во благо. — Оповестил Охранник. — Это дело времени.

— Какого времени? — Не понял я.

— А это уже засекреченная информация. — Насупился военный и потряс автоматом.

— Слишком много тайн, как для простой исследовательской миссии. — Проговорил я, при этом наблюдая за реакцией надзирателя.

— Слишком много вопросов, как для заключенного. — Парировал конвоир.

Инженер в разговор не вмешивался, он с серьезным лицом готовился к предстоящей вылазке.

— Мы не заключенные, а исследователи. — Напомнил я.

Конвоир решил проигнорировать мои слова и замолчал.

Вскоре мы стояли около люка, который вел прямоком на крышу.

— Вам туда. — Конвоир махнул рукой, указывая на люк.

— А разве мы одни идем? — Спросил я.

— Конечно, я не дурак туда переться. — Крякнул военный. И ни говоря ни слова, служивый развернулся и ушагал прочь.

— Ну... пошли, чтоль, — не уверено предложил я.

Слова нашего конвоира меня не сильно вдохновили. Вылазка на крышу могла обернуться чем угодно.

Первым нас поприветствовал теплый ветер. Стоило только высунуть голову с открытого люка, а он тут как тут. Потрепав волосы, он полетел дальше. Ну а я, выбравшись на крышу, начал приниматься инструменты, а в конце залез и сам Инженер.

— Ветрено здесь. — Первое, что сказал Бледнолицый. — Нужно быть осторожной, лететь вниз очень далеко.

Я одобрительно кивнул, и мы пошли в сторону огромных солнечных панелей.

Инженер знал, что делал. Он подошел к щитку и начал тыкать в него индикаторами и всякими приборами. Я же ему не мешал. Присев рядом, я принялся разглядывать солнечные панели. Их было много и все размером с двухэтажный дом. База была огромна и чтобы ее обеспечить, нужно много солнечной энергии.

— А вот и поломка.

Я поднял голову и посмотрел на Инженера.

— Ток не поступает, видимо, кабель перегорел. — Со знанием дела проговорил напарник. — Дай-ка сюда провод.

Бледнолицый отрезал нерабочие контакты и начал подготавливать новые.

Отсюда, с крыши, открывался невероятный вид. Планета могла удивлять. И я, уже не раз выходивший наружу, снова залюбовался.

Как меня окрикнул бледнолицый.

— Ты несешь или нет!

— А? — не сразу дошел смысл сказанного. — Ах да, сейчас.

Голова гудела, но уже не болела, а значит, я все больше привыкал к климату.

— Видимо, кто-то его перегрыз, — сделал заключение Инженер, когда я подошел с кабелем. — Видишь, на обмотке следы от клыков остались?

Я видел. И мне не хотелось встречаться с хозяином этих клыков. Как на зло, где-то вдалеке закричала неизвестная птица, и я испуганно обернулся. В этом была моя ошибка. Я слишком расслабился., позабыв о том, что рядом со мной находился другой зверь!

И я даже понять не успел, как вдруг мою шею обвил кабель. И я начал задыхаться.

— Ин... Инженер, что ты творишь? — Хриплым голосом взвыл я.

Удавка сильнее стягивала шею.

— Прости, Мажор, прости! — Раздался голос бледнолицего у самого уха. — Это сильнее меня!

Кольцо вокруг горла все больше сжималось.

— Я... я бы лучше тебя разрезал, но тут выбирать не приходится. — Сокрушался Инженер. — Придется довольствоваться малым!

— Отпусти...

— Не вырывайся. — Это он таким образом решил меня успокоить. — Вскоре ты уснешь, как и те, другие. Они все засыпали.

Нащупав разводной ключ, я наотмашь ударил им. Попал! Кажется, прямо в голову. Хват ослаб, и я смог подставить пальцы под кабель. Но тут удавка снова начала сдавливать шею.

— Не сопротивляйся! Ты же сам говорил, что хочешь спать! Говорил же? Говорил?

Крик птицы раздался совсем близко. Я только и увидел тень от крыла. Как тут же Инженер взвыл в воздух. Перевернувшись на живот, я увидел, как некая птица тащит за собой моего сокамерника. Времени обдумать все не было. И я, вооружившись гаечным ключом, побежал на хищника.

Размах и последующий удар!

Птица каркнула, взмахнула крыльями и улетела прочь, оставив рядом со мной бледного от страха Инженера. Он был еще блее, чем обычно.

— Ты меня спас... — непонимающе уставился на меня бледнолицый.- ... но... но почему?

— Ты меня тоже спас. — Я ощупал свою шею, следы от удавки не скоро пройдут. — Теперь мы квиты!

Глава 14: «Семь»

— Ты это, Мажор... не серчай на меня. Ну, сорвался, признаю, малость перегнул палку...

Позади меня, перебирая маленькими ножками, бежал Инженер. Он то и дело пытался идти со мной в одном ритме, но это у него плохо получалось. Мои шаги были шире, да и шел я быстрее, чем мой душитель мог себе позволить.

— Когда я начинаю работать, то во мне просыпается совсем другой человек! — Кричал он.

Его топот перешел на бег, затем снова послышались размеренные шаги.

— И тогда я ухожу в работу с головой. Понимаешь меня, Мажор? Этим я и живу! Только в работе я получаю удовольствие. И когда " того " другого меня переполняют эмоции, он ищет выход. Это... это, — Инженер пытался подобрать правильные слова. — Это как любовь.

Ну, тут уж я промолчать не смог:

— Да ты меня едва не придушил! Разве ты это называешь любовью?

Остановившись, я развернулся, чтобы посмотреть на него. Заглянуть в глаза убийцы. Что я хотел в них увидеть? Наверное, раскаянье!

Но все, что я видел — это страх.

— Каждый проявляет любовь по своему, Мажор. — Развел руками бледнолицый. — Ты мне нравишься, лучшего друга, чем ты, у меня еще не было.

— Я твой друг? — Удивился я.

— А кто же. — Закивал головой Инженер. — Ты же спас меня от смерти.

— Теперь жалею об этом. — Честно признался я.

Тут бледнолицый выпрямился и стукнул кулаком себе в грудь.

— Обещаю, что больше не буду тебя душить. — Слова прозвучали твердо и без заискиваний.

— И это еще не все. — Я продолжал сверить собеседника взглядом.

Инженер смутился, видимо, он понял, что я имею в виду.

— И... и так же... не буду пытаться разрезать тебя. — Выдохнул Инженер.

— А если снова проснется тот, второй?

— Я буду держать его взаперти, не выпущу. Он и так уже много бед натворил. — Все же в этих маленьких глазах-бусинках я увидел самое настоящее раскаянье.

Бледнолицый в данный момент выглядел как нашкодивший пес, который нагадил в квартире, и теперь ему очень стыдно.

Я же ему не верил. Но все же на какое-то время у меня появилась передышка, по меньшей мере, пока на свободу вновь не вырвется «второе я»!

Мы починили солнечные панели и уже успели вернуться на базу. Поскольку транспорт уехал без нас, так и не дождавшись, то теперь появилась уйма свободного времени. И я, не желая целый день возиться с Инженером, попросту от него сбежал. Верней, соврал, что у меня есть еще дела, и пусть он возвращается в камеру без меня. Не хотелось бы, чтобы по базе разгуливал маньяк.

Я кое-что хотел проверить, поэтому сразу же направился в хозяйственный сектор. Покою мне не давал один человек — странная личность с номером «семь». Тогда с Амбалом он мне здорово помог. Возможно, он хороший человек. Только слишком скрытный, чересчур

нелюдимый и умевший одну занятную способность — внезапно исчезать. Вот он стоял, и вот его нет, — вспомнив я инцидент со здоровяком, — слишком быстро, чтобы это являлось правдой. Но это видел Амбал и я, а значит, мне не привиделось!

Я легко мог затеряться в этих лабиринтах. Не один час брожу здесь, а коридоры похожи друг на друга как две капли воды. Даже опознавательных знаков никаких нет. Хотя бы стрелки дорисовали, и то уже насколько легче ориентироваться. Так что единственным путеводителем являлась моя самодельная карта, которую попутно я дополнял все новыми деталями.

— Ты зачем постоянно здесь ошиваешься?

Отозвался голос прямо в моей голове. Это было слишком неожиданно и громко, что я замер. Озираясь по сторонам, я едва ли заметил тень за ящиками в дальнем углу, там кто-то был. Тень качнулась, и в темноте прорезался человеческий контур. Самого человека не видно, он будто бы избегал света, или же свет его.

— Кто ты? — Выставив руку вперед, я медленно начал приближаться. — Нам... нужно поговорить!

— Кому это нам? — Голос продолжал звучать прямо в башке, что немного пугало. — Ты же здесь один.

— Ты ведь «Семь», верно? — Прокричал я, хотя этого уже не требовалось, я подошел достаточно близко, но лица так и не разобрал, его скрывала тьма.

— Может и «Семь», а может и нет. — Неоднозначно ответила тьма. — Ты подойди ближе и узнаешь.

Я бы предпочел убежать, но любопытство взяло вверх, и я пошел вперед.

Ко мне вышел человек, все же свет смог его поймать, и я увидел лицо. Морщинистое, угловатое и безэмоциональное. Передо мной стоял тот самый заключенный, которого я искал. В доказательство этого на груди у него красовалась цифра семь.

— Я искал Вас... тебя. — Обрадовался я. — У меня много вопросов! Я знаю, Вы же можете ответить на них! Вы же давно здесь?

— Вопросы-вопросы это так бессмысленно. — Огорчился незнакомец.

— Но почему?

— На этой планете действуют другие правила и на некоторые вопросы попросту нет ответов.

— Ты общаешься с планетой? — Догадался я.

— Нет! Это не я общаюсь с ней, а она со мной. — Лицо заключенного мне отчего-то напоминало маску, слишком неживым оно казалось.

— Тогда что ей нужно?

Незнакомец с цифрой «Семь» улыбнулся:

— Нужно? Ей нужно? — Человек засмеялся, но смех вышел неестественным. — Это нам нужно.

— Нам нужны те яйца? — Осторожно спросил я.

И незнакомец одобрительно кивнул.

— Что они такое?

— Я не могу сказать. — «Семь» почесал макушку. — Верней не смогу объяснить на человеческом языке.

Если честно, я ждал от старожилы больше конкретики!

— Скажи, что мне делать дальше?

— Ох уж эти людишки, вечно куда-то спешите, торопитесь, вечно за кем-то гоняетесь. — Укорил меня собеседник. — Хорошо, есть тут одно место...

Он подошел ко мне, взял в руки карту и нарисовал кружок.

— Но... там же ничего нет. — Удивился я.

— Просто иди к указанному месту и все узнаешь.

Человек сделал шаг назад и растворился во тьме.

— Нужно помнить, что мы живем не в своем мире, а в чужом, в чуждом. И нужно жить по его законам, иначе умрем.

Это последнее, что он сказал перед тем, как полностью исчезнуть.

— Чужой мир, значит. — Пробормотал себе под нос.

Я смотрел на место, обведенное красным кружком. Указанное место было на другом крыле. Далековато, конечно, но если поспешить, то я смогу успеть до возвращения заключенных.

Я тщательно просчитал кратчайший маршрут. Карта больше не требовалась, поэтому я аккуратно сложил ее и положил в карман и, не теряя времени, выдвинулся в путь. Не буду говорить, сколько пришлось преодолеть коридоров и сколько времени это заняло. И вот я оказался в указанном месте, именно сюда привел меня «Семь».

Здесь была дверь. Самая обычная стальная дверь. Без указателей или каких-либо других знаков. Странно, что я не заметил ее раньше. Может быть, просто пропустил, и не мудрено, ведь она ничем не выделялась. Возможно, это кладовка или же подсобное помещение. И зайдя внутрь, на меня упадут швабры и ведра! Неужели ответы на все мои вопросы находятся здесь, за этой непримечательной дверью?

Я подошел и взялся за ручку. Затем, повернув ее. Я не был уверен в том, что она открыта. Что это за тайны, раз так просто войти. Потянув на себя дверь поддалась. Заунывно заскрипели ржавые петли, и комната меня встретила темным нутром.

Переступив порог, я шагнул внутрь.

Когда глаза привыкли к освещению, то я увидел множество стеллажей, на которых лежали папки с документами, так же в углу стоял компьютер.

— Это же архив. — Догадался я. — Так вот куда привел меня незнакомец.

Не мешкая, я начал стягивать с полки папки, попутно зачитывая их названия: Быт и досуг заключенных, рацион и правильное питание, преобразование и добыча эйтерия.

Ага, значит, яйца по-научному назывались Эйтерием. Открыв случайную страницу, я принялся зачитывать: Чудо топливо... технология будущего... преобразовывается на четвертый год. Синтез топлива...

Пролистывая страницу за страницей, я пытался вникать в смысл. Но разобраться в научных терминах оказалось той еще задачей, поэтому просто выхватывал некоторые фразы с контекста, пытаясь их осмыслить. Единственное, что из этого я вынес, так это то, что яйца — это ресурс, в котором заключалась колоссальная энергия. И вот теперь сразу все встало на свои места, вот почему эту планету не забросили и все пытаются ее приручить. Топливо — это всегда прибыль.

Это все очень интересно и познавательно, но время поджимало, так что эйтерий оставим на потом, может здесь есть еще что-то...

Включив компьютер, я начал шариться по папкам. А вот и папка с названием «новенькие». Неужели это досье на всех нас? Ага, а вот и я. Ну ничего себе! Да здесь вся моя подноготная, включая мое уголовное дело. Даже фото мертвой жены есть. Мельком прошел

взглядом по знакомому образу. Один клик и фото развернется на весь экран...

Открывать папку с фото я не стал, а перешел к следующему досье. Да это же дело Инженера... так, значит, его Дмитрием зовут. Занятно-занятно. Ничего нового с досье не узнал. Маньяк тот еще, одним словом. А вот и Салага. Бедняга, если бы не тот несчастный случай, он бы продолжал ездить по маршруту и горя не знал. Амбала мы пропускаем ничего интересного в этом человеке я не увижу. А Вот и Депутат... что же он нам покажет.

Я открыл досье и углубился в чтение:

— Александр Твардовский. Бывший член сената и народный депутат. — Мой взгляд все бегал от строчки к строчке. — А депутат, оказывается, был тем еще диктатором. Ради собственного удовольствия сталкивал народы, а после любовался, как они убивают друг друга.

Я и так его недолюбливал, а после прочитанного и подавно. Какой же нужно быть сволочью, чтобы подобным заниматься. Руки так и чесались придушить гаденьша! Даже Инженер с его маниакальными наклонностями выглядел на фоне Депутата маленьким ребенком.

Выйдя из папки «новенькие». Я начал искать что-то по теме планеты. Хоть бы что-то...

Вдруг скрипнули петли, и дверь начала отворяться.

Погасив компьютер, я спрятался за стеллажами. Из-за тусклого света невозможно практически разглядеть, кто вошел. Тень проскользнула внутрь, и тяжелая поступь начала ходить по решетчатому настилу. Я напрягся, как струна. Даже дышать перестал! Если это охрана, то у меня будут серьезные неприятности. Учитывая их негативную реакцию на мои расспросы... Надеюсь, не пристрелят!

Тем временем шаги приближались, и чем ближе, тем сильнее билось мое сердце. В один миг мне стало жарко и неудобно. На лбу выступил пот.

Шаги прекратились. Он меня увидел?

— Иди ко мне! — Послышался голос.

Это не мне говорит? К кому обращается голос?

— А вот ты где, мой хороший! Дай я тебя почешу.

Голос я узнал, он принадлежал Штопору.

Я вышел из укрытия, чем очень напугал парня, сидящего на корточках. Увидев меня, он отшатнулся и посмотрел затравленным взглядом.

— Я питомца потерял, не знал, что здесь еще кто-то есть. — Затем Штопор уставился в пол и начал гладить воздух, приговаривая. — Ты, мой хороший, сколько раз говорил не сбегать от меня, а? Непослушный, какой ты непослушный.

Мне было искренне жаль паренька.

— Пошли отсюда. — Я подошел к нему и положил руку на плечо.

— Не хочу. — Отшатнулся от меня заключенный. — Там... там люди. Они злые и непонятные. Люди меня пугают...

Штопор продолжал гладить воздух, говоря, что это его домашний питомец. И что зверушка очень сильно любит играть.

— Не желаешь с ним поиграть? Он хороший! Я его просто Питомцем зову. Он правда хороший!

— Я пас!

— Питомец обиделся на тебя. — Проскулил Штопор. — Он любит игры... любит.

Выйдя из архива, я направился к жилому корпусу. По возможности нужно еще раз сюда

наведаться. И отыскать всю правду об этой планете. Я обязательно еще вернусь!

Глава 15: Сквозь землю провалился

Я снова видел ее во сне.

Красивая, стройная, с идеальными чертами лица! Она была безупречной во всем. В каждом ее движении прослеживалась грация и утонченность! Идеальная настолько, что казалась нереальной! Но ведь она и была нереальной! Это всего лишь сон. Всего лишь сон! Всего лишь...

И в этом сне незнакомка прогуливалась в своем синем облегающем платье, подол которого практически касался металлической решетки. Непорочная и чистая. Непорочная, словно тот ангел, который спустился с небес. Ни одна женщина не сравнится с ней! База давно погрузилась в сон, и никто не мог слышать, как ее каблучки выцокивают о металл.

Цок-цок-цок!

Отвечала ей база приглушенным металлическим звоном, отголоски которого, разносило по безлюдным коридорам.

Я ее отчетливо видел, и она казалась такой реальной. Хотя умом и понимал, что это всего лишь на всего мой сон. Вот я проснусь и на этом все закончится. Наваждение сойдет и возможно, наутро я даже не вспомню ее лица.

О нет-нет! Забыть ее? Я этого не хотел! Только не ее! Я не хочу забывать! Не хочу!

Тем временем сон продолжался.

Незнакомка остановилась у дверей моей камеры. Да, именно моей. Я сразу то место! Неужели это не просто сон? Платье и волосы начали развиваться, будто шаловливый ветер решил поиграть с одеждой и ее русыми волосами. Но откуда на базе ветер? Я искренне недоумевал, это сон или же происходило взаправду? Тем временем ее рука потянулась к ручке. Пальцы обхватили и начали крутить влево. И я все это видел, будто наяву. Но как? Я же сплю! Ведь... я не могу быть и там и тут одновременно?

И тогда незнакомка обернулась и посмотрела на меня. Ошибки быть не может, девушка с русыми волосами сейчас смотрела в мою сторону. Будто она знала, что я наблюдаю за ней. Стою рядом, на расстоянии вытянутой руки!

И в тот же миг я проснулся от дикого душераздирающего крика, от которого бросило в пот. Сперва я не мог разобраться, что произошло. В камере было еще темно, и кто-то бегал взад-вперед истошно крича.

Что? Где? — Я крутил головой, не понимая, что происходит.

— Мы окружены! Они везде! Тревога! — Вопили, во все горло из темноты.

Голос принадлежал Шмыге, а значит, это он мотался по камере, круша при этом все на своем пути.

— Шмыга, что случилось! — Попытался до него достучаться, но сокамерник был не в себе.

— Рядовой, бери автомат! — Скомандовал бывший капитан и побежал. — Нас так просто не возьмешь! Живым не сдадимся!

Не успел я подняться, как Шмыга оказался рядом с моей койкой. Он взял меня за шиворот и бросил на пол.

— Вот ты и попался! Не спрячешься теперь!

Пронзающая боль появилась в боку. Я кубарем покатился и распластался посреди

камеры. Он что, меня ногой пнул? Да что за дела здесь творятся?!

На меня полетела моя же тумбочка, и лишь чудом мы разминулись.

Шмыга был не в себе. Явно же, он представляет, что все еще на войне, и он с кем-то воюет. А значит, ненароком может и пришибить! Я поднялся и, закричав, побежал на него. Если собью с ног, то бывший капитан упадет, и тогда уже можно его скрутить! Но боец из меня такой себе. И получив увесистую оплеуху, я растерялся. По ощущениям он мне нос разбил! Что-то теплое потекло по коже, а на губах появился солоноватый привкус крови и пота. Я бы мог и еще один удар пропустить, но тут на взбешенного сокамерника со спины запрыгнул Инженер и впился зубами в шею!

— Толпой на меня решили! Трусы несчастные! — Зарычал Шмыга, пытаясь оторвать от себя худощавого коротышку. — А ну, отцепись!

Я заехал ему в лицо. Признаться, лучшего удара у меня еще не было! Вероятно, это все из-за адреналина в крови. А главное, что совместными усилиями мы все же смогли повалить озверевшего Шмыгу на пол. Я снял шнурки со своей обуви и завязал бесноватому капитану руки, второй шнурок пошел на ноги. И вот Шмыга лежал на собственной койке, связанный по рукам и ногам. Для пущей безопасности мы привязали его к кровати простыней.

Еще одна бессонная ночь на этой базе. Спасибо огромное за прерванный сон! Я вспомнил прекрасную девушку, и отчего-то стало грустно. Хотелось, чтобы она снова явилась ко мне, но уснуть уже явно не получится.

— Ну и? Как это понимать?

Шмыга смотрел на нас, и в его взгляде читался вопрос:

— Почему я связан? — Ожидаемо спросил он.

— Да ты нас чуть в могилу не свел. — Закричал бледнолицый и, тыкая пальцем в мой опухший нос, добавил. — Вот, полюбуйся, это твоих рук дело!

— А за шею тоже ты укусил? — Бывший капитан уставился на меня.

— Не совсем. — Уклонился от ответа я.

В этот момент Инженер спрятался за мою спину.

— Допустим. — Насупился он. — Развяжите меня, и мы поговорим.

— Не развяжем. — Послышался голос позади меня. — И не надейся!

— И почему это? — Удивился Шмыга, который был крепко привязан к своей койке.

— Ты... ты нас убьешь. — Начал заикаться Бледнолицый. — И так всю ночь с тобой возились. Так что полежишь тут день, два, неделю...

— А как есть прикажите? Или с ложки кормить будете? — Ухмыльнулся связанный сокамерник.

— Если потребуется, то будем. — Он вышел из-за спины и стукнул кулаком себе в грудь. — Не сомневайся!

— Да ладно тебе, Инженер. — Остудил пыл сокамерника. — Вчера это наваждение было. Видимо с головой, у нашего Шмыги не все в порядке. После войны и не такое бывает.

— Так тем более не нужно развязывать, если с головой не все в порядке. — Крякнул бледнолицый и с опаской посмотрел на Шмыгу.

Сомнения были и у меня, но все же я развязал узел, так же ослабил шнурки на ногах и запястьях. Шмыга сел на край койки и потянулся.

— Как же тело затекло. — Признался он, разминая кисти. — Ну и что мне с вами делать?

Бывший капитан не сводил взгляда. Тяжелый взгляд у военного. Особенно у того, кто прошел боевое крещение. А я, в свою очередь, чувствовал себя нашкодившим ребенком.

Мы молчали.

— Бывает у меня такое. — Тяжело вздохнул Шмыга. — Так и оказался здесь, пришиб случайно одного паренька. Как вспомню, так до сих пор стыдно.

А ведь странно. Шмыга не так давно про другое пел. О Командире, который его парней на смерть отправил...

— Да, мы вчера чудом выжили. — Признался я.

Шмыга огляделся. Бардак в камере был знатный. Раскиданная мебель, по полу валялись предметы. Я поднял тумбочку и отнес ее к себе, после начал собирать и вещи.

Далее дни стали однотипными и ничем не примечательными. Нас кормили, вывозили на рудники, где мы добывали эйтерий, а вечером возвращались на базу. Дни сливались в одну кучу, я уже не мог разобрать, какой сейчас день. На глаза часто попадалась медсестра, у которой живот увеличивался день ото дня. Через время она была уже не одна. Рядом постоянно ошивался Амбал. Он гладил ее живот, при этом парочка о чем-то мило беседовала. Неужели у этого закоренелого холостяка проснулись отцовские чувства? Ну да ладно, без разницы. Главное, что после этого он перестал обращать на меня внимание и полностью сосредоточился на медсестре.

Так же спустя неделю я смог ускользнуть и вернуться к тому месту, где находился архив. И какое было удивление, когда его там не оказалось. Никакой двери не было, а лишь голая стальная стена. Надо же! Я сверился по карте еще раз. Оказалось, все верно. Архив должен находиться ни где-нибудь, а именно здесь! В этой точке! И куда же он делся тогда, черт бы его побрал? Не провалился он сквозь землю, чес слово! Прожив с неделю на базе, я уже ничему не удивлялся. Заключение с номером «Семь» так же не объявлялся.

Выходя наружу, я все чаще испытывал новое для себя чувство, которое обычными словами не выразить. Не это ли «Семь» называл говорить с планетой? Я искренне не понимал смысла подобного общения. И как разобрать, что планета от меня хочет? «Это не она хочет, а ты» — вспомнились слова таинственного заключенного.

И теперь я ломал голову: чего же я хочу? Хочу я... хочу...

Как же в свое время «Семь» смог найти диалог с планетой? С чего он начинал? Ведь это так сложно. Слишком непонятно все — будто заново учишься ходить! Единственное, в чем я был уверен, это в том, что если не разгадаю тайну, то погибну.

И теперь, засыпая, я мысленно обращался к планете. Но она оставалась безразличной к моим мольбам.

Глава 16: Потасовка в столовой

Проснулся я давно. Просто долго лежал, уставившись в черный от сигаретного дыма потолок, и ни о чем не думал. Прошла еще одна неделя, а я ни на шаг не продвинулся к разгадке, что же представляет собой эта планета. По каким законам живет и как именно существует. Да, сюда бы действительно загнать; ученых, орнитологов, палеонтологов, да и еще много кого, чтобы изучить ее от макушки до кончиков пальцев, а если быть точнее, то от стратосферы до ядра. Или же все, что волновало властимущих — это добыча эйтерия? Я нахожу все это крайне странным, впрочем, как и все на этой планете.

— Я вижу, что ты не спишь, парень — Раздался голос Шмыги. — Ты уже проснулся?

— Еще не полностью. — Подал я голос, даже не повернув головы.

— А я буянил этой ночью? — Осторожно поинтересовался бывший капитан.

— Да нет, сегодня тихо себя вел. Спал, как младенец. — Сказал я, дырявя взглядом потолок.

— Тогда развяжи меня, а то я в туалет хочу!

После того случая мы с Инженером, чтобы не возникало проблем в дальнейшем, начали привязывать Шмыгу к койке до самого утра, а проснувшись, отвязывали обратно. Вынужденная мера оказалась действенной. Даже если капитана накрывало с головой, и он начинал видеть кругом врагов, то при этом мебель оставалась нетронутой, а люди — целыми и невредимыми.

Избавившись от пут, наш старожил мелкими шажками засеменил к унитазу, чтобы справить нужду. Вот она, спокойная жизнь. На каждую проблему можно найти свое решение, пусть даже самое радикальное. Я посмотрел на койку нашего Шмыги, где лежали скомканные простыни, служившие сдерживающим элементом.

— Жрать охота! — Вернувшись, старожил сел на койку и начал готовится к завтраку. — Я бы сейчас целого слона проглотил.

Зря он сказал о мясе, в животе сразу же заурчало.

— Или бы шашлык из говядины. — Мечтательно произнес Шмыга. — Приправленную перцем, да с жареным луком! Все бы отдал, чтобы заполучить хотя бы один единственный шампур.

Шмыга будто взял в руки воображаемый шампур и начал есть воображаемое мясо. Он делал это с аппетитом, при этом довольно постанывая от наслаждения.

— Приятного аппетита. — Буркнул я и встал с постели.

— Ну и куда МЫ собрались? Сейчас будет утренняя зарядка! — Положив воображаемый шампур на тумбочку, наш физрук поднялся, расставил ноги на ширине плеч и на начал приседать, приговаривая. — Оп! Оп! Оп!

Я присоединился к зарядке, иначе Шмыга так просто от меня не отстанет. А вот Инженер все еще спал, и, проснувшись, он не очень обрадуется тому факту, что ему сегодня приседать лишние сто раз.

— Оп, оп, оп! — Выводил старожил, будто распевался в хоре. — А теперь отжимания! Завтрак, как всегда, по расписанию.

Я подошел к чудо-машине которая выдала мне все тот же рацион, состоящий из странного желе из пяти вариаций. Никак не могу привыкнуть к этой еде. Или же это просто невозможно, и теперь я каждый раз буду вздрагивать при виде дрожащих стенок, или же к

лапкам, которые щекочут тебе нёбо, пока ты пережевываешь.

Мы нашей обычной кампанией уселись за столик и, перекидываясь стандартными фразами, приступили к трапезе. Рассказ про шашлык возбудил мой желудок, и он просто урчал от голода. Сытый рудокоп сможет принести больше эйтерия, чем голодный. Или, как любил говорить мой папенька: нам нужны тупые, но работающие. Чинуши бы с удовольствием понабрали в команду увальней, но кто же тогда будет чинить их технику, водить машины или же лечить рабочих! Поэтому в каждом призыве есть различные специалисты. Пусть и неадекватные, но все же специалисты. Инженер — мастер своего дела, идеальный работник, вот только с одним нюансом, он может придушить человека, а то и разрезать. Салага хорошо управляется с машинами, а еще есть доктора, механики, программисты и экономисты. Разношерстная команда на все случаи жизни. Казалось бы, все идеально! Вот только уживаться друг с другом люди не хотят! И на первый взгляд идеальный механизм рушиться о человеческий фактор. Ведь люди начинают делиться на группы, плести заговоры и строить козни. Выживает в этом муравейнике лишь сильнейший!

— Вот сволочь!

Я не сразу понял, что это говорил Салага, он куда-то смотрел, при этом сжимая свои кулаки. Проследив за взглядом, я увидел Депутата, который издевался над Штопором

— Ты снова здесь! — Смеялся наш элитный заключенный. — Ну что, снова решил спереть бургер для этой твоей несуществующей зверушке?

Депутат откровенно глумился над бедным пареньком, заставляя того хвататься за голову и плакать.

— Или ты сам все съедаешь, а? — Депутат подошел к Штопору и крикнул ему прямо в ухо. — Просто прикидываешься больным. Удобно ведь, не правда ли? Никто тебя не осудит, что с дурака взять-то!

— Я... я... я хочу домой. — Скулил заключенный.

— Ты и так дома. — Развел руками Депутат. — Чем тебе здесь не дом. А мы твои друзья!

— У меня лишь один друг, мой питомец. — Всхлипывая, отозвался заключенный. — Я... нужно его выгулять... выгулять. Нужно идти!

— Никуда ты не уйдешь! — Заорал депутат и обратился к товарищу. — Эй, Амбал!

Здоровяк медленно уплетал гамбургеры, и даже головы не повернул.

— Я ем. — Пробасил он. — Мне не до твоих шуточек.

— Да какие тут шуточки. — Театрально изобразил удивление Депутат. — Помнишь, что он у тебя еду спер. Помнишь? Ты же говорил, что убьешь за кусок хлеба, а тут целый бургер!

— Мне сейчас не до вас. — После этого Амбал засунул в рот целый бургер, после чего начал пережевывать.

— Вот же, связался со своей медсестричкой, с этой подстилкой! Она же тебя сгубила. Ты... ты мягким стал, добросердечным!

На это здоровяк повернул голову. Он ничего не сказал, но Депутат тут же прикусил язык и умолк.

— Ну и ладно! — Зло бросил Депутат и схватил Штопора за плечо, тот начал вырывался. — Я сам укажу твое место!!!

Штопор, защищаясь от нападков, случайно сбил с формы нападавшего черный квадрат, и тот попрыгал по полу.

Депутат заехал пареньку в челюсть. И было бы самое настоящие избиение, если бы:

— Это не твое?

Депутат оторвался от Штопора и посмотрел на меня. Я же держал в руках черную коробочку.

— Не видишь, я сейчас немного занят, положи устройство на стол и не мешай!

Я сделал, как он и велел. Положил коробку на стол и отошел.

— Ты ведь Александр, верно? — Надо было видеть удивленное лицо Депутата в этот момент. — Александр Твардовский.

Ты... как ты узнал! — Заключение отпустил Штопора и сделал два шага назад.

А я продолжал выдавать информацию:

— Бывший член сената, промышляющий тем, что заставлял народы сражаться между собой.

— Я... я не виноват! Я ничего не делал! У меня чистые руки! — Он поднял руки вверх, но даже сейчас на этих руках была кровь Штопора.

— Ах, так! Да вы знаете, кто я? Я же могу вас всех перебить, один звонок и все. Я здесь главный! Я здесь Бог! Хочу убиваю, хочу милую!

— Ты поосторожней со словами, Александр. — Улыбнулся я, назвав его настоящим именем.

— А то что? Вы все у меня вот где. — Он сжал кулак и показал всем на обозрение.

— Это не дает тебе права рушить судьбы людей. — Покачал головой я. — Ты же беспредельщик чистой воды!

— И что? Я все могу!

Неизвестно откуда возник Бывалый. Он подошел к Депутату и выписал ему увесистую оплеуху, от которой тот шлепнулся на пол. Затем Бывалый снял с груди черную коробку и потряс ею у самого носа нарушителя.

— Я все слышал! Каждое твое гнусное слово. — Зашипел уголовник. — Значит, ты беспредельщик. А я таких не люблю! Я таких презираю!

— Бывалый, ты чего! Ты... ты что попутал? Мы же за одним столом едим. А кто тебе нормальную еду приносил забыл уже? Мы же в одной лодке!

Бывалый вклеил еще одну оплеуху, и парень замолчал.

— Мы не вместе! Я слежу за порядком, а ты тот, кто этот порядок нарушает!

Кровь сочилась из губы и носа. Александр Твардовский еще никогда не испытывал такого унижения. Его били! А людишки смотрели! Те, которых он и за людей не считал!

— Вы все поплатитесь! — Зашипел Депутат. — Все до единого! ОХРАНА!

Уголовник вытащил из кармана нож и вонзил его прямо в живот. Депутат забулькал кровью и повалился на пол. Но этим все не закончилось. Бывалый поднес лезвие к уху.

Понимая, что сейчас произойдет, я отвернулся на в силах вытерпеть подобного зрелища.

— Теперь я буду слышать намного больше! — Я увидел, как Бывалый держит в руках два окровавленных уха. — Твоими ушами, Депутат.

Двойное чувство одолевало меня. С одной стороны, я избежал жестокого избияния Штопора. Но с другой — если бы не включил передатчик, то и Бывалый не услышал разговора. И Депутат бы был сейчас жив.

Странно, но сожаления о содеянном я не испытывал. Незавидный конец для диктатора!

В этот момент раздался сигнал, и толпа двинулась к выходу.

Труп депутата остался на полу. Брошенный, покинутый всеми, он истекал кровью, а тело понемногу остывало.

Глава 17: Роды

Недавние события и смерть Александра Твардовского по прозвищу Депутат надолго отпечатались в памяти. И последующие дни мои мысли занимало лишь это. Так же я испытывал чувство вины, будто сам вложил нож в руку Бывалого. Чтобы хоть как-то отвлечься, я попытался полностью отдаться работе. Эйтерий сам себя не добудет! Я покрутил в руках синее яйцо, пытаюсь взглянуть внутрь, откуда исходило голубоватое свечение. Мне показалось или внутри что-то было?

— Эй, Мажор, не отлынивай! — Донесся до меня голос Шмыги.

Я бросил яйцо в контейнер к остальным и вернулся к работе.

Время лечит и вот, наконец-то, я смог договориться с совестью. И меня снова начал волновать загадочный человек. «Семь» уже давно не выходил на связь, а значит, я сам пойду и найду его!

Обойдя все коридоры и тупики, заглянув во все возможные кабинеты, я «Семь» так и не нашел. Заключенный пропал бесследно, как и архив! Я же не отчаивался и день ото дня продолжал вылазки. От меня не уйдешь! Из-под земли достану, если потребуется!

Но время шло, а результат все тот же. То есть его не было!

Даже сон потерял на этой почве. Просто лежал ночами на спине и вглядывался во тьму, будто он может появиться в любой момент. Иногда мне казалось, что я вижу во тьме шевеление. Но очень быстро понимал, что это всего на всего игра воображения и никого там нет. Даже Инженер больше не приходил по ночам, а предпочитал отсыпаться. Ясное дело, весь день махать кайлом — вымотает даже Амбала. А тут доходяга, который, по виду вот-вот откинет копыта.

Через пару дней на очередной вылазке я увидел... нет, не «Семь». Возможно и его, но с такого расстояния ничего не понятно. И сколько бы не вглядывался, я смог разглядеть лишь черно-зеленую форму. А такую носил и мой незнакомец, а также и все заключенные.

Фигура завернула за угол, и я побежал за ней.

Я бегал, а силуэт то и дело исчезал на перепутьях. Это заняло много времени. Но, несмотря на это, мне казалось, что за все время беготни я не приблизился, ни на шаг к цели. Это нервировало и выматывало как на физическом, так и на моральном уровне.

Но я так просто сдаваться не намерен. Добьюсь своего, сколько бы времени это не заняло и куда бы ни завела меня...

Завернув в правый тоннель, я остановился и замер. В метрах ста от меня сидел на корточках «Семь». Все же это был он! Заключенный занимался своим делом и будто бы не замечал меня. «Семь» держал в руках статуэтку, которую он вырезал ножом. Странная фигурка очень сильно напоминала девушку, длинноногую, с длинными волосами. Я почему-то вспомнил девушку из своего сна.

— Семь, мне нужно поговорить с тобой! — Выкрикнув, я побежал к нему.

Как это произошло, я и сам не понял. Вот он сидел и вдруг никого нет. Вот он на корточках, а вот передо мной пустынный тоннель без каких-либо признаков жизни. Вдруг сильно разболелась голова, и было чувство, что она вот-вот расколется. Я обхватил голову ладонями, будто она и вправду могла лопнуть, как переспелый арбуз.

По итогу я вернулся в камеру ни с чем. Головная боль прошла так же внезапно, как и началась. Как же я устал! Только сейчас осознал, что блуждания по базе меня сильно

вымотало. Эх, жаль, не удалось поймать этого затворника. Тогда бы я... тогда бы... тогда...

Вдруг я увидел странное голубоватое свечение. Оно исходило от постели Инженера. Его сейчас не было, и она пустовала.

Свечение становилось все ярче.

Вот что-то выползло и село посередине койки. Тем "что-то" оказался небольшого размера светлячок с полупрозрачными крыльями. Светлячок посмотрел на меня и начал быстро размахивать крохотными крылышками. Насекомое поднялось и, нарезая круги по камере, принялось летать по камере. Сияние, исходившее от него, было таким теплым и успокаивающим.

Насекомое не выказывало агрессии. Не делало резких движений! Оно продолжало беззаботно порхать, нарезая круги. Я был рад, что мне удалось лицезреть нечто подобное.

Мне стало не по себе: а вдруг светлячок улетит и я его больше не увижу. А мне хотелось, что бы он, постоянно радовал меня. Найдя в тумбочке банку, я аккуратно поднес ее к насекомому и прикрыл крышку.

— Вот ты и попался, — обрадовался я.

Поставив банку на тумбочку, я начал искать что-то острое, чтобы сделать в крышке несколько дырок для воздуха. Светлячку моя затея пришлась не по вкусу. Он начал быстро мерцать и биться о банку. Да с такой силой, что банка начала пошатываться.

— Тише-тише, я же тебя не обижу! — Приговаривая, я все искал нож, но, как назло, его нигде не было.

Насекомое сделало рывок, крышка, не выдержав, слетела с банки, а сам светлячок упорхнул в открытую дверь. Его не стало. Я даже расстроился по этому поводу. А самое обидно, что обижать я его не собирался. Жил бы он вот здесь на тумбочке. Я бы его подкармливал, заботился. А интересно, что едят светлячки?

Тут пришли мои сокамерники.

На мой вопрос: видели ли они снаружи порхающего светлячка, те отрицательно замотали головами.

Вскоре случилось еще оно событие.

Вначале послышался женский визг. Так как девушка на базе была одна, то это кричала медсестра. Позже уже всем стало ясно, в чем причина. У медсестры отошли воды. Она рожала! Шла пятая неделя ее беременности и вот она готовилась к родам. Амбал находился рядом с ней. Он выгнал всех зевак, а сам, взяв ее на руки, потащил в медкабинет.

Я же с остальными остался ждать за дверью.

Как-то очень быстро все произошло. А как же девять месяцев или это здесь неактуально? Во всяком случае, Амбал в скором времени станет папочкой. Он и так сильно изменился, перестал докапываться до людей, начал вести правильный образ жизни. А в последние дни он все свободное время посвящал медсестре и своему ребенку.

Время шло, но двери не открывались.

Нервничали все, включая и меня. Это так волнительно! Будто сам участвовал при зачатии. А, да... я же и участвовал, когда спалил эту парочку во время секса. Так, Мажор, ты не об этом думаешь! Сейчас главное сосредоточиться на ребенке. И тут я задумался: а есть ли на базе ясельная группа или на крайний случай самые обычные подгузники? Что-то мне подсказывало, что нет.

В медкабинете послышались крики.

Некоторые, самые слабонервные, предпочли уйти. Остались лишь стойкие и

закаленные. Я же особой стойкостью не отличался, но любопытство брало вверх.

Крики повторились!

Затем все стихло. Молчание давило на виски. Даже заключенные перестали шептаться и умолкли.

Все ждали!

Вдруг неожиданно прозвучал выстрел. Там же, внутри медкабинета! Где находились лишь Амбал и его возлюбленная. Сразу же последовал еще один. Да что там происходит?!

Звуки стихли. А в воздухе повисла гнетущая тишина.

Не выдержав, я открыл дверь и хотел было зайти, но застыл. Я увидел Амбла, сидящего на полу. Он был весь измазан в крови. Лицо, руки, одежда. Багровая жидкость покрывала все его тело. Так же в ладонях у него покоился источник шума, из дула которого шел сизый дым. Здоровяк рыдал, а по щекам катились горькие слезы.

На вопрос, что случилось, он молча указал на мертвую медсестру. Девушка лежала на полу в луже собственной крови. А во лбу имелся след от пули. Это Амбал убил ее? Переведя взгляд ниже, я испытал чувство отвращения вперемешку с ужасом. Между ее ног лежало нечто. Совсем не похожее на ребенка. А больше походившее на высохшую мумию, едва ли напоминавшую человеческий облик. В этом существе... так же имелось пулевое отверстие.

— Я любил ее... — рыдал здоровяк, при этом не выпуская пушку из рук. — Любил, понимаешь? Ребенок плод нашей любви. Я... мне страшно...

— Тише-тише. — Приговаривая, я начал опускаться, чтобы забрать у здоровяка пистолет.

— Когда... когда я увидел его... это был не человек. И это мой ребенок? — По щекам продолжали литься слезы. — А она так кричала, будто резали ножом. Я не выдержал.

— Откуда у тебя пистолет? — Я осторожно взялся за ствол и потянул на себя. И вот оружие у меня, и можно было не беспокоиться по этому поводу.

— Депутат подогнал! Последний презент, так сказать. Проклятый подарок! Если бы не он, моя любовь была жива...

Амбал был подавлен, его таким еще никогда не видел.

— Проклятый подарок!

В медотсек вбежала охрана. Оттолкнув меня, они набросились на Амбала и заковали в наручники.

— Куда вы его? — Спросил я у одного из охранников.

— В карцер, пусть посидит, подумает о случившемся. — Рывкнул тот.

— Может, не надо! — Вырвалось у меня.

Охранник бросил на меня злобный взгляд.

Они вывели Амбала, оставив меня наедине с мертвой девушкой. Медсестра и сейчас выглядела красиво. Кто бы мог подумать, что все закончится вот так. Тут я вспомнил свою жену. Она лежала так же в похожей позе, только вместо больничного халата, была домашняя одежда. «Не надо, отпусти!» — Отпечатались слова жены в мозгу, навсегда оставшись в нем. Я ощутил, как по щеке бежит слеза.

— Ну, что там произошло-то? — Спросил один, когда я вышел из медкабинета.

— Убийство. — Это все, что я мог сказать на данный момент.

— Как же так? Ужас какой!

Далее я уже никого не слушал и, пошатываясь, покинул место преступления.

Глава 18: Раскаинье Амбала

Прошла ровно неделя после печально известных событий в медкабинете. С того времени я Амбала больше не видел. Все это время его держали в карцере, под строгим присмотром. И несмотря на наши с ним разногласия, мне было жаль парня. Здоровяк доказал, что он может быть и хорошим. Но ведь он убил любимую и ребенка? Они то в чем перед ним виноваты? Тут я вспомнил жуткую тварь, которая по всем канонам, ну просто не могла родиться у нормального человека. Не могла и все тут!

Размышлял об этом я, лежа на своей койке.

Рядом со мной находились неизменные компаньоны, каждый из которых занимался своим делом. Инженер, подобно мне, лежал в своем углу и что-то вычерчивал пальцем в воздухе, а Шмыга, пытая от напряжения, отжимался от тумбочки.

— Чего же ты молчишь, Мажор! — Не прорывая процесса, окликнул меня бывший капитан. — Или язык проглотил? А ну-ка, открой рот.

— Не хочу, — общаться не хотелось, но и промолчать было бы неправильно.

— О, заговорил. Значит, все нормально. — Блондин оторвался от тумбочки и начал разминать запястья. — Ты же как пришел неделю назад, так с тех пор даже слова не проронил.

— Да не о чем нам говорить, и так на душе тошно. — Признался я.

— Все по медсестре убиваешься. — Зыркнул на меня Шмыга. — Ты это брось! Будешь много думать, она и тебя за собой утащит! Забудь обо всем и живи дальше.

Я знал, что это не правильно, но кадры окровавленного медкабинета намертво отпечатались в моей голове. Жуткая картина упорно не хотела покидать закрома моей памяти.

— А жена твоя тоже тебя не отпускает? — не прекращая зарядку поинтересовался собеседник. Шмыга взглянул в мои усталые глаза.

Мурашки по коже пробежали, когда зашла речь о жене. Чего это вдруг он интересуется?

— Ты что имеешь в виду, Шмыга? — Насторожился я.

— Ну, это... по глазам видно, как убиваешься. — Пытаясь подобрать правильные слова, сказал он. — Ну, понимаешь, грусть в них и сожаление.

— Мне нечего сожалеть, не я ее убивал. — Махнул я рукой. — А если не я, то и сожалеть не о чем.

— Если бы не сожалел, то не оказался здесь.

Вот же пристал ко мне с расспросами, — начинал сердиться я.

— Будто у меня выбор был...

— Конечно, был! У тебя так точно! — Философски подметил бывший военный. — Вот смотри, ты можешь делать со мной зарядку, а можешь и не делать.

— Ага, если не сделаю, мне еще штрафные приседания впаяют. — Недовольно крикнул я.

— Это да. — Ухмыльнулся Шмыга. — Но выбор — он же есть.

— Так себе, если честно. — Почесал я макушку. — Уж лучше сделать приседания с тобой, чем потом еще корячиться.

— Вот и я о том же. — Поднял палец вверх, заявил Шмыга. — А теперь смотри! Ты мог делать, а мог не делать. И только твой выбор привел тебя сюда.

— А у меня! А у меня выбор был? — Подал голос Инженер со своей койки. — Мог ли я избежать подобной участи.

— Нет, ты не мог. — Сказав это, бывший военный принялся приседать. — Понимаешь, натура у тебя другая. Уяснил?

— Неа... — Бледнолицый с разинутым ртом внимал слова нашего старожила.

— Ты не можешь сопротивляться своим желанием. Это как я со своими припадками, от меня уже не зависит, хочу я этого или нет. Они рано или поздно вернутся.

— То есть не все люди имеют право выбора? — Инженер отвлекся от рисования по воздуху и приподнялся на локтях.

— Верно! Мы же независимые от обстоятельств, все равно кого-то прибьем. Рано или поздно, это случится. А вот Мажор другой! Он может идти прямо, а может свернуть и покатиться в пропасть.

— У меня голова разболелась от ваших теорий. — Сказав я, после чего рухнул на койку. — Устал я.

— Ты куда, Мажор! — Шмыга взял в руки простыни и протянул их мне. — А кто меня вязать будет?

Я нехотя поднялся и начал привязывать сокамерника к постели. А в голове кружилась мысль: мог бы я избежать данной участи, поступив иначе? А был ли у меня выбор или же, это судьба расположилась таким образом, что мне суждено вязать Шмыгу, чтобы тот случайно не угробил других заключенных. А есть ли Судьба на этой планете? Или здесь каждому воздастся по содеянному?

Утром Шмыга снова скомандовал построение, и по обычаю мы с инженером начали утренние приседания.

Уже завтракая, я краем глаза заметил Бывалого. С тех пор, как его покинули компаньоны, он всегда завтракал один. К тому же бургеров уже не было, и он питался тем же, что и все. Угрюмое лицо уголовника, будто каменная маска, не выказывало эмоций. Доволен он или нет, было не ясно. В чем-то было даже жаль его. По-своему конечно. Пусть Амбал и Депутат, какие-никакие но товарищи, а теперь и вовсе никого. Люди его и так боялись и сторонились, а после того, как он отрезал уши, и подавно. Бывалый, заметив на себе мой взгляд, указал пальцем на свои уши, как бы намекая. И я тут же отвернулся.

— Не трогал бы ты уголовника. — Прошептал Салага. — Ну его убьет еще, а после уши отрежет.

— Да-да. Уши — это что! Вот если бы он живот спорол, это другое дело. — Инженер, поняв, что не туда свернул, замолчал, лишь добавил. — Да я так, к слову...

— Слова у тебя гнусные. — Крякнул третий сокамерник Салаги. Почему-то до этого момента имени его я так и не узнал. — Неправильные, понимаешь! Мне дед говорил: думай только о хорошем, и тебе зачтется.

— Фантом, если ты постоянно о хорошем думал, то как сюда попал? — Спросил наш Врач.

— То-то и оно. — С грустью поведал Фантом. — Что я не всегда только о хорошем думал. Только сейчас я понял, о чем мне дед постоянно толковал.

— Долго же до тебя доходит. — Усмехнулся Врач. — Как до жирафа.

— Поздно уже заднюю давать. — Крякнул Инженер. — Я уже здесь! Собираю яйца, чиню поломки и общаюсь с друзьями.

На это мы с Шмыгой бросили недовольный взгляд в бледнолицего.

— Я раньше всегда один был. — Признался он. — А теперь у меня целых два друга. Мы вместе зарядку по утрам делаем, правда, потом все тело болит, но зато это весело.

— Ну, хоть кто-то доволен. — Пробурчал я, затем забросил в рот зеленое желе.

— Если честно, когда я на нары заезжал, то зона представлялась мне немного иначе. — Признался Фантом.

— А это не зона, а исследовательский центр по терраформированию. — Заключил Шмыга. — Так что ты ученный, а не заключенный.

— Ага, а вертухаи с пушками, это группа поддержки? — Усмехнулся Фантом.

— Если тебе от этого легче, то да. — Со всей серьезностью заявил Шмыга.

Прошла еще неделя. Амбал так и не объявился. Я уже начал за него беспокоиться. Две недели в одиночной камере и без общения — это много. Он и так дикий, а теперь одичает еще больше, кто знает, как он себя поведет, когда его выпустят! Да и не надо было его запереть. Здоровяк и так получил огромный стресс наравне с душевной травмой, а вы его сразу в карцер, чтобы он там свихнулся от горя. Ну, молодцы, поздравляю!

Рано утром в голову мне пришла шальная, даже безрассудная мысль. Я и сам не знаю, как я до такого дошел, но теперь, как не старался, не мог от нее отделаться. Именно поэтому я отпросился от сегодняшней вылазки, сославшись на плохое здоровье, А потом направился в сторону медпункта. Но до него я так и не дошел, свернул раньше, чем того требовалось. Карта у меня была с собой, и я легко отыскал нужное мне место. А именно карцер, куда приводят особо буйных заключенных.

Охранник здесь имелся, и он был один. Он стоял у входа в отсек с автоматом наперевес. Я и не надеялся, что будет легко! Но все же рассчитывал, что охраны не будет. Зачем стоять днями, охраняя и так запертого человека? Лучше бы кофе пошел попить, или как называлась та зеленоватая жижа, которой опаивают постояльцев базы.

Все же преграда была. И у этой преграды имелось оружие. Я сел на пол, подперев спиной стену, и начал думать.

С охранником связались по рации, и тот ответил. Вот она, удача! Но не тут-то было. Тот выключил рацию и повесил обратно на пояс. Уходить охранник и не собирался.

Черт, черт, черт! — Выругался я от безысходности.

Поднявшись на ноги, я случайно зацепил ящик, и тот, грохнувшись на пол, создал много шума.

— Кто здесь? — Караульный взял в руки автомат и направил его в мою сторону. — Выходи, а то хуже будет!

И я вышел.

— Руки подними! — Приказал тот.

Пришлось подчиниться. И мои руки оказались поднятыми над головой.

— Я тут заблудился немного. — Соврал я. — не знаете, как пройти в жилой сектор?

— Что-то я тебе не верю. — Прищурился охранник. — Врешь ты все.

— Зачем мне врать? — Удивился я.

— Знамо зачем! Ты же заключенный, вот и врешь!!!

— Так я исследователь. — Улыбнулся я самой миролюбивой улыбкой на свете.

— А, да? — Почесал затылок тот. — А так на заключенного похож, а форма один в один, как у заключенного.

— Какого заключенного?

— Сидит тут один бугай, здоровенный такой в камере под номером пять!

— А этот... так он мой коллега. — Обрадовался я. — Я зачем сюда пришел, чтобы он мне кой-какую информацию передал.

— И какую же? — Недоверчиво спросил Охранник.

— Исследовательскую. — Не моргнув и глазом, сообщил я.

— Честно? — С опаской спросил Охранник.

— Честно-честно! — Кивнул я.

— Ну, тогда проходи! Чего стоишь, на пороге топчешься!

Дважды просить не пришлось.

И вот я уже искал среди камер номер пять. И нашел! Остановившись, я тихо постучал в дверь.

— Кто здесь? — Отозвался голос Амбала.

— Это я... Мажор. — Запинаясь, представился я. — Пришел узнать, как ты? Ты... с тобой все в порядке?

Я не открывал двери, и весь наш диалог велся через стальную преграду, хотя и так слышимость была отличной.

— Да какое тут в порядке, я же... я же ее убил. — Послышались всхлипывания. — Мажор, я думал, здесь с ума сойду. Рад, что ты здесь! Правда рад! Спасибо, дружище, что не забыл про меня!

— Да-да, я так и подумал. — Прижавшись к двери, сообщил я. — Может, что для тебя сделать. Принести что?

— Знаешь что? Выпусти меня! — Всклипнув и высморкавшись, обозвался здоровяк. — Здесь нет замков, а запирается дверь с твоей стороны.

— Не думаю, что это хорошая идея. — Замялся я.

— Да не ссы! Доброе дело сделаешь! А я добрых дел не забываю. — В его голосе слышалась искренность. — Сидя здесь, я все понял! Понял и то, каким куском гавна я был. И что убил медсестру, очень сожалею...

Я еще думал.

— Так что, Мажор? — Напирал Амбал. — Про меня здесь и забыли давно. Уже пару дней еды приносили. Помру здесь, если не выпустишь.

— Ну хорошо. — Наконец-то решился я.

— Вот это ты правильно! Доброе дело сделаешь, Мажор! — Обрадовался здоровяк. — По гроб жизни благодарен буду.

Я положил руку на засов, но перед этим решил напоследок заглянуть в смотровое окошко. Когда я его открыл, то увидел мертвого Амбала, он сидел у стены. А на его шее был обмотан ремешок. Здоровяк сам себя задушил. Он мертв! И судя по миазмам на теле, прошли не одни сутки после его кончины. И тут меня посетила мысль. Если Амбал мертв, то кто же тогда со мной говорил, черт побери?

— Кто... кто ты? — Даже своего голоса не смог узнать.

В тот же миг по ту сторону смотрового окошка появился глаз. Страшный, со вздутыми красными венами. Это... был не человеческий глаз. Кожа отсутствовала, а на башке свисали куски мяса.

— Выпусти меня, Мажор! — Прохрипело существо, но в голосе уже не было Амбала. Нечто жуткое говорило со мной. — Открой дверь!

Я бросился бежать! Так быстро, насколько это возможно! Я еще не до конца осознал,

что произошло. И что могло бы случиться, если бы я послушал голос и открыл эту чертову дверь!

Я бежал до тех пор, пока в одном из коридоров не услышал чавкающие звуки, будто кто-то ел. Я отчетливо слышал, как клыки разрывали плоть, затем снова послышалось чавканье.

Я медленно подошел и заглянул за угол.

Там был Штопор. Он стоял, а рядом с ним находилось страшное уродливое чудовище. Оно стояло на четырех лапах, имело звериное туловище и огромную голову. И сейчас эта тварь доедала Фантома. А что это был он, я отчетливо осознавал. Надо же, только узнал его прозвище, и придется с ним расстаться.

— О, привет! — Как ни в чем не бывало помахал рукой Штопор. — А я тут питомца выгуливаю, он как раз проголодался. Не хочешь с ним поиграть?

На это чудовище оторвалось от трапезы и взглянула на меня красными глазами, а из пасти потекла слюна. Явно же оно не играть со мной хотело...

— Архг! — Пронесся по коридорам жуткий рык.

А я начал пятиться назад...

Глава 19: Крушение

Вбежав в свою камеру, я тут же бросился к тумбочке и при помощи ее начал баррикадировать дверь. Долго ждать не пришлось. И вот страшный скрежет раздался по ту сторону, будто по стали скребли острыми когтями, пытаюсь таким образом пробраться до меня. Я сел на койку и прижался к стене, с ужасом наблюдая, как раз за разом вздрагивала дверь под мощными ударами чудища.

— Архг! — Снаружи послышалось злобное рычание.

Я едва не отдал Богу душу, пока бежал сюда. И во время забега, я постоянно ощущал присутствие твари за своей спиной. И стоило мне остановиться или замешкаться, как она бы вцепилась мне в горло. Так вот какой питомец был у Штопора! А я-то думал, он бредит. Это получается, что, гуляя тоннелями, я мог раньше попасться монстру на ужин? Значит мне крупно повезло.

Дверь снова заходила ходуном. И в очередной раз снаружи раздался вой.

Если бы не «Семь» который отвлек монстра на себя, что дало мне возможность прибежать к жилым секторам. Драгоценные минуты я использовал с умом и, долго не думая, ринулся к себе в камеру. И вот я здесь! И оно здесь! Скребется и ломится, пытаюсь преодолеть последнюю преграду. Я вспомнил когтистые мощные лапы, способные с легкостью разрубить человека пополам. Такому не составит труда прорваться внутрь.

Открыв тумбочку, я вооружился ножом и принялся ждать.

— Архг!

А после все стихло.

Я сидел, все сильнее вжимаясь в стену, будто пытаюсь слиться с ней в одно целое. На спине выступил холодный пот. Руки дрожали, но нож я не выпускал. Все сильнее сжимая его рукоять.

Тишина давила на виски. Я знал! Знал, что тварь там. Притаилась неподалеку и ждала. Ждала момента, когда я выйду из своего убежища, чтобы потом напасть и насладиться вкусом моих внутренностей. Да-да! Все именно так!

Тук! Тук!

Ритмичный монотонный стук повторялся снова и снова.

Тук! Тук!

Вдруг дверь заскрипела, заунывно заныла и начала отворяться.

Я побледнел. Страх сковал меня, и я даже, пошевелиться не мог и молча наблюдал, как в камеру проникает тень.

— Это что такое? — Раздался голос Шмыги. — Что у прохода тумбочки на проходе делают?

— Я это... — не знал, что и сказать, поэтому поводу.

— Решил в индейцев поиграть. — Выдвинул гипотезу Инженер. — Детство вспомнилось?

— Ну да... наверное.

Я уже и не знал, что думать, а вдруг это все мне привиделось. Но тут подал голос Шмыга:

— Это ты там дверь расцарапал?

Я вскочил и выбежал наружу.

На двери, прямо по всей ее длине виднелись четыре углубления. А значит, не показалось. Это не сон или наваждение, а все происходило взаправду! Питомец, Штопор и... Амбал. Амбал! Его покрытое миазмами тело всплыло перед глазами. Не выдержал все же здоровяк... решил присоединиться к ней...

НЕЛЬЗЯ! НЕЛЬЗЯ было оставлять его одного! Я же говорил! Говорил! Говорил! Я с всей силы врезал кулаком о стену. Я плакал! От боли душевной и боли физической. Кулак немного опух, но это и не так важно.

Вздохнув, я побрел обратно в камеру разбирать свою импровизированную баррикаду.

И снова дни начали пролетать перед глазами. Рудники-база. База-рудники. И лишь выход в свет ненадолго оживлял меня. И я любовался тем, чего не мог понять! Неизвестность все больше манила меня. И кажется, я начинал видеть нечто большее, чем раньше. Какие-то детали, ускользающие ранее, теперь обретали новый смысл. И теперь, беря в руки эйтерий, я видел внутри яйца зародыш. Он был скручен. Глаза закрыты. Будто он мирно спал внутри яйца, укутанный в синюю оболочку. Новое чувство лишь усиливалось. Я теперь полностью был уверен, что это планета общается со мной таким образом. Но я все еще не мог понять ее! Мозг не воспринимал столь вземное общение и пытался выстроить из этого хоть немного знакомые образы. Это как конструктор или же лего, которые ты собираешь, чтобы получить желаемое. Вот и мозг так же.

— Сколько здесь еще таких, как ты? — Обратился я к «Семь», когда встретил его.

Он сидел на ящиках и при помощи ножа вырезал фигурку. Он увидел меня. Подняв голову заключенный отложил нож и спросил.

— Кого это таких, как я?

— Тех, кто носит номер выше третьего? — Я сначала смутился, но затем задал волнующий мне вопрос. — Там, за запертой дверью, должны быть и другие. Чем они занимаются? Так же добывают эйтерий?

— Другие? — Тут старожил задумался. — На базе я других не видел.

Отрицательно покачал он головой.

— Но ведь они должны быть здесь! Должны!

— Так они здесь, они везде.

Я совсем запутался! Если не на базе, то где? Где все те, кто жил здесь до нас! Где? Я начал озираться, будто кого-то мог увидеть. Но, увы, кроме нас с «Семь» никого не было.

— Я ведь говорил тебе. — Вдруг он стал строже. — Не пытайся пронести свои законы на планету. Здесь они бессильны. И если ты этого еще не понял, то умрешь!

— Я не хочу умирать... не хочу...

— Тогда проснись!

Я открыл глаза.

Было темно. Что-то бормотал во сне Шмыга, посапывал Инженер, а значит, мне привиделся сон. Верить ли словам «Семь» или же списать все на кошмар и, перевернувшись на другой бок, просто уснуть, надеясь на то, что наутро позабуду все, что я видел.

Я так и поступил.

Наутро нас снова собрали у ангара. Мы расселись каждый на свои места. Я с грустью посмотрел на пустое место, где обычно сидел Амбал. Старательно пытаюсь, не думать о

плохом. Я прикрыл глаза и уснул.

Проснулся от того, что наш транспорт сильно затрясло.

— Черт! — Выругался пилот. — Нас выбросило из аэротуннеля, и мы падаем!

— Сделай же что-нибудь! — Закричал его помощник. — Выруливай!

Удар! Одна часть борта сильно деформировалась. Затем последовал еще один удар, и все вокруг почернело...

Глава 20: Лагерь

Первое мое ощущение — это будто по тебе проехался асфальтный каток. Тело все болело, и казалось, на нем нет живого места. Я начал припоминать: кажется, мы потерпели крушение. Авария на неизвестной планете, что могло бы быть лучше!

Я открыл глаза и огляделся.

Первые минуты все плыло, но вот зрение восстановилось, и я увидел, что лежу между сидениями, намертво зажатый чьим-то увесистым телом.

— Эй, ты живой? — Обратился к нему.

Но туша не подавала признаков жизни. Этого еще не хватало! Возникла огромная вероятность провалиться здесь в таком положении, весь остаток дня. Первичный осмотр показал, что руки и ноги целы, ребра так же на месте. А значит, я могу попытаться скинуть с себя тело и выбраться наружу. Взявшись за ножки кресел и упершись спиной о пол, я начал тужиться, толкая тушу ногами. Килограмм сто пятьдесят, не меньше! Кряхтя и матерясь, я все же столкнул преграду в сторону и практически на четвереньках выполз наружу.

Свежий прохладный ветер начал играть с моими волосами. От яркого света я даже прищурился, настолько он был насыщенным, по сравнению с тем, что было внутри транспорта.

— О, ты выжил. — Бывалый повернул голову, услышав шум, и увидел меня. — Думал, ты уже коньки отбросил. Ну, проходи, раз живой, чего стоишь!

Рядом с ним сидел Салага, Инженер, Шмыга и Врач, ну и еще с десятков незнакомых мне людей. Доктор сидел на корточках, пытаясь вправить перелом исследователю с номерным знаком «три». Тот кричал и упирался, но все же у Врача была набитая рука, и он, не обращая внимания на протесты, оказывал первую помощь пострадавшему. Позже к нам присоединились еще пару выживших.

Подводя итоги крушения: мы почти все выжили. Нам повезло, что поверхность планеты не столь твердая. Что и позволило амортизировать удар. Сам корабль на данный момент представлял собой печальное зрелище. Он лежал на боку и являлся грудой никому ненужного металлолома. Оставалось лишь одно — ждать помощи из базы. Она придет! Но вот когда — это уже другой вопрос. Пока на базе кинутся и поймут то, что экипаж рудокопов куда-то делся, пока разберутся, что к чему, пока пошлют помощь, если вообще пошлют. Это может занять сутки, а то и больше! А оставаться здесь надолго было опасно. Никто не знает, чего ждать от планеты, которую так и не колонизировали на протяжении десяти лет.

Было принято решение разделить на группы. Одна ищет дрова, вторая пищу, третья строит лагерь. Я оказался вместе с Салагой и Инженером в группе, которая ищет дрова. Я и сам понимал, что это опасно, поэтому уходить далеко от базы в планах не было.

Собравшись все вместе, мы пошли в чащу. Ветками здесь и не пахло, вместо них были иголки. Толстые острые иглы. Они росли прям со ствола и шли до самой верхушки. Инженер не удержался и потянул палец к одной из таких иголок, но тут прилетела птичка и села на ветку. Разряд тока пронзил ее маленькое тельце, и птичка упала замертво. После этого бледнолицый отдернул руку и спрятал ее за спину руку, и больше не делал попыток касаться к чему-то подозрительному. Мы снова решили разделить и прочесать другие чащи. Так хотя бы была большая вероятность найти что-то хотя бы приблизительно напоминавшее

дрова.

Пройдя метров триста в одиночку, я наткнулся на еще одни заросли. И, о чудо! Здесь уже были ветки. Если соберу достаточно дров, то у нас будет костер! Я тут же бросился их собирать. И не сразу заметил, что я здесь не один.

— Шшшш — Раздалось со стороны камня.

Я подпрыгнул, выпустив с рук собранные ветви. Определив направление я начал осторожно обходить камень. Вначале появились ноги, они были в черно-зеленой форме, такой же, как и у меня, а значит, это был человек. Но радоваться было еще рано! Подбежав к незнакомцу, я тут же сделал шаг назад и скривился от омерзения. Да, все же это был человек. Но он практически сросся с почвой. Лицо деформировалось, половины тела уже не было.

— Ктооо здееесь? — Прошипел незнакомец.

— Мы потерпели крушение. — Начал было я, но остановился, так как сообразил, что странный человек меня не слушает. — Кто вы?

Присев на корточки, я начал исследовать находку и тут мне в глаза бросился значок, который висел у него на груди:

«Пять»

Это же...

Не может быть. Все же я нашел того, кто пробыл здесь больше трех лет. Но что это с ним? Неужели все это время он провел на этом самом месте, в плену у планеты?

«Пять» поднял на меня взгляд. В этот момент как-то грустно выглядели его глаза. Я видел в них обреченность...

— Пииить! — Сорвалось с его бледных губ.

Я бросился искать флягу. Но быстро понял, что забыл ее в лагере и хотел было бежать за ней, как незнакомец начал покрываться черными линиями. Вскоре он весь был разделен в клеточку.

— Что с вами? — Забеспокоился я.

После моих слов незнакомец распался на маленькие части и высыпался на почву. Небольшие частицы медленно вошли в грунт. Его не стало. Лишь цифра пять лежала на безымянном камне. Подойдя и ощупал почву. Ничего! Незнакомец будто распался на молекулы.

Я ушел! По-быстрому набрав охапку дров, и поспешил покинуть это место. Даже не оглядывался. Будто бы подобное могло случиться и со мной. Я посмотрел на руки, но черных линий на них не было. Главное, чтобы это не болезнь такая, и парень не оказался ее разносчиком!

Прибыв на базу, мы дружно начали обустриваться.

Помощи все еще не было, а значит, мы застряли здесь надолго. И, казалось бы, все хорошо, но тут я услышал протяжный свист. Все прекратили работать и начали прислушиваться. Свист становился насыщенней и громче. И тут я вспомнил, как из окна наблюдал за летящим шаром, который врезался в поверхность...

— Всем лечь на землю и прикрыть голову руками! — Взревел я и первым плюхнулся мордой в траву.

Внезапно откуда-то сверху возник огромный шар и столкнулся с нашим транспортом. Последний взорвался, а шар начал выстреливать семена. Скорость была огромной, как у пули, и легко прошивала зазевавшихся исследователей. Захрипев, те падали уже мертвыми,

даже шансов спастись не было. Я еще сильней прижался к траве и молился, чтобы меня миновала та же участь. А недавно ведь сам глумился над тем, как Инженер в случаи опасности вел себя так же... видимо, это заразно.

Шар рассыпался и обстрел закончился.

По итогу исследователей стало вполовину меньше. Наш отряд очень сильно поредел. А интересно, сколько нас останется до прибытия подмоги? Еще пару таких шаров и некого будет спасать.

Видимо, на шум пришли и другие.

Странные существа на длинных тонких ногах. Они ходили будто люди, но выглядели как тени. Да и руки волочились прямо по земле. Кто-то попытался на них напасть, но стоило ему двинуться с места, как его окружили и начали кромсать, разрывая несчастного на мелкие кусочки, прямо у нас на глазах.

— Не шевелитесь! — Приказал Бывалый. — Чтобы не случилось, не шевелитесь.

Мы застыли, словно восковые статуи. В воздухе повеяло страхом. А этих тварей становилось все больше.

Рядом с Салагой оказалась одна из теней. Она приблизилась на очень близкое расстояние и остановилась. Остальные тени рыскали по лагерю. Салага судорожно сглотнул, а на его лбу выступил пот. Тень обернулась к нему и резко двинулась вперед. Надо было бежать, но Салага лишь закрыл глаза и приготовился к смерти.

Тень прошла мимо него и направилась к остальным.

Все же Бывалый был прав. Тени нападали лишь на движущие цели, и если так стоять и не дергаться, то...

— Ааааа!

Кто-то не выдержал и зашевелился. Его тут же облепили эти существа и начали кромсать тело заключенного копьевидными руками. При этом второгодка кричал и просил о помощи. Сам виноват, — подумал я. Наверное, все так решили, так как никто не решился двинуться или же повернуть головы.

Вскоре раздался странный свист в траве. Я аккуратно перевел взгляд вниз и увидел, что выпущенное семя из шара начало вибрировать. Тут же активизировались тени, они подбежали к источнику звука. Раскрыв семя, тени начали поглощать содержимое. Затем снова послышался свист.

Значит, тени питаются семенами этого шара, а свист привлекает их внимание. Твари слепые, но имеют хороший слух! Как же нога затекла. — Подумал я, — И чешется жутко. Если незаметно опущу руку, может, никто не заметит!

Я немного опустил руку, но наткнулся на суровый взгляд Бывалого, и решил повременить с этим.

Наевшись, тени ушли восвояси, и можно было расслабиться. Мы ожили и начали разминать свои затекшие тела.

Но тут на холме появилась одна тень. Видимо, она не успела далеко уйти, и мы привлекли ее внимание.

Твою мать, только этого не хватало! — Выругался я.

Было поздно что-то делать. Нас засекли и тень молниеносно оказалась рядом с группой. Тонкие ноги на деле оказались очень легкими и быстрыми. Тварь выставила перед собой копьеобразные руки и закричала, будто птица.

— А ну стоять! — Вперед вышел Бывалый, он по-звериному согнулся и достал из

кармана заточку. — Будешь мне тут еще кричать! Да я тебя!

Уголовник прыгнул на тварь, подлетел и замахнулся острым оружием. Тень отпрыгнула и тут же атаковала.

— Не тебе со мной тягаться! — Рычал Бывалый, ловко орудуя заточкой. — А, ну вот так!

Хитрый прием от уголовного вышел удачным, и он пырнул тень прямо в брюхо. Я думал, что тени эти бесплотны, но нет. Лезвие зашло по рукоять в тело.

Тень отмахнулась, и на землю упала отрубленная левая рука уголовного. Но и это не остановило Бывалого. Он с отрубленной рукой продолжал наносить удар за ударом. Удар за ударом! Пока тварь не упала.

Казалось бы, все кончено. Но тут на холме появились еще три жуткие тени.

— Бегите! Я их задержу! — Отдал последний приказ Бывалый. — Бегите в разные стороны! Так хотя бы у кого-то будет шанс спастись!

Я схватил за руку Инженера, и мы побежали к ближайшим кустам!

Все же этот мир слишком чужд для человеческого понимания. Слишком враждебный! Негостеприимный! Очень страшный! Мы бежали без остановки и постоянно оглядывались. Боясь вдалеке увидеть черный силуэт. Но никого не было.

— Стой! Давай остановимся!

Инженер просто рухнул на пятую точку, не в силах продолжать бег.

— Нам... нам нужно бежать! — Я попытался поднять сокамерника. — Как можно скорее.

— И куда? — Сплюнул в траву бледнолицый. — Куда не пойдём, кругом планета. А до базы далеко.

— Но если ничего не делать...

— Сядь лучше. — Похлопал по траве Инженер. — Никуда твои тени не денутся.

Я сел на корточки, чтобы лучше видеть местность.

— Как думаешь, мы здесь умрем? — Слишком спокойно спросил мой сокамерник. — Может, наш жизненный путь закончится именно здесь. Если честно, мне с вами нравилось! Лучшее, что со мной было...

— Прекрати! Не время хоронить себя раньше времени!

— Ты Мажор, да и Шмыга тоже, помнишь, как мы устраивали вечерние посиделки. — Усмехнулся Инженер. — Косточки всем заключенным перемывали, делились рассказами из жизни, обсуждали, что было нового за день.

Я молча слушал. И не заметил, как к нам подкралась тень. Она встала передо мной. Ее копьё-рука была нацелена мне в сердце. Я, всего этого не видел. Был отвлечен монологом бледнолицего, который изливал свою душу.

— Я ни о чем не жалею, — произнес сокамерник.

Вдруг Инженер прыгнул и оттолкнул меня. Что случилось я толком не понял. Но повернул голову, то увидел Инженера висевшего на копьё, при этом парень улыбался. Бледнолицый был доволен.

— Беги! — Только и сказал он.

Сколько я бежал неизвестно. Местное светило уходило в закат и начинало темнеть. Здесь очень рано темнеет. И сразу наступают холода. А у меня ни ножа, ни костра, ничего, что понадобилось бы при защите. Да я полностью безоружен в этой ситуации! Легкая

мишень!

Тут из-за камня появилось свечение. И я его узнал. Да... я его уже видел.

Как в доказательство, покинув убежище, вылетел светлячок. Он облетел меня и полетел дальше. Я же пошел за ним. Светлячок не пытался убежать и просто летел впереди, освещая путь! Тепло от него успокаивало. Я отчего-то начал верить, что все будет хорошо.

Из-за темноты я не увидел пропасти и, сделав шаг, упал вниз. Хорошо свисавшие корни были на пути, и я ухватился двумя руками. Корни вздрогнули и начали всасываться в камни.

— Нет-нет. Нет!

Я начал звать на помощь, хотя и понимал, что это бесполезно. Инженер мертв, а остальные или умерли, или сейчас далеко. Корни практически исчезли, пальцы соскользнули и в последний момент меня подхватили!

Все же помощь пришла!

Чтобы взглянуть на своего спасителя я подняв голову и ошалел. А взгляд постепенно наполнился радостью! На меня смотрела девушка из сна с идеальными чертами лица и длинными русыми волосами. Она пришла ко мне. Пришла, чтобы помочь! Все же она такая красивая!

Глава 21: Спасительница

Страх больше не было. Я не ощущал его вовсе! Он трусливо отступил, как только она пришла на помощь. И сейчас я стоял в двух шагах от спасительницы и смотрел на нее вожделенным взглядом. Она было той самой, в синем длинном платье и с идеальными пропорциями лица и тела. Я будто пребывал во сне. Нет-нет, я не спал! Я даже коснулся плеча и почувствовал тепло ее тела. Убрав руку и отступив на два шага, я осознал, что все случившееся происходит на самом деле!

Как только я осознал это, то рухнул прямо на колени.

— Спасибо, спасибо Вам! Спасибо, прекрасная, несравненная незнакомка — Затараторил я. Слова сами слетали с языка. — Я не знаю, кто ВЫ, но я благодарен за спасение!

Волосы девушки развивались на ветру, а ее голубые глаза, казалось, смотрели прямо душу. Это меня смущало, но в тоже время успокаивало. Двойное чувство, которого я в жизни своей еще не испытывал.

— Ты знаешь, кто я! — Голос ее ласкал слух.

— Знаю? — Удивился я.

Я щенячьими вожделенными глазами, любовался ее красотой. И если бы захотел, то не мог отвести взгляд. Я был прикован!

— Ты видел меня в своем сне. — Голос был тихим, но я отчетливо слышал каждое произнесенное слово. — Ты звал меня.

— Ты из этой планеты? — Но ответ я и так знал.

— Да! — Подтвердила она. — Здесь мой дом.

Прекрасная! Несравненная! Идеальная! Она казалась мне богиней.

— Но... но кто ВЫ? — Этот вопрос мне дался тяжело. Я даже задыхаться начал, а сердце билось с бешеной силой.

— Люди называют таких, как я, Богами. А это наша планета.

Я так и знал! Я догадывался! Не может быть человек таким идеальным! Только настоящая Богиня или Ангел. И я заплакал. Припал к ее ногам, прося прощения. Мне казалось, что я прикоснулся к чему-то великому! Тайному! Сокровенному!

— Здесь все не так, как ты привык, мальчик — Сочувственно проговорила она. Я почувствовал, как ее рука легла мне на затылок, и тут же ощутил тепло. — Бедный, испуганный, но ты не бойся! Не бойся и все будет хорошо. Я ведь рядом.

— Да-да! — Закивал головой я. — Я сделаю... я все сделаю...

— Раскаянье — это первый шаг к просветлению. Ты можешь сейчас скинуть со своей души тяжелый груз и пойти дальше.

Я испуганно посмотрел на Ангела. Она смотрела на меня сверху-вниз. Будто ждала ответа. Она знает? Конечно... конечно, она все знает. Раскаянье! Вот чего ты хочешь...

Я прикрыл глаза и снова увидел перед собой труп жены, лежащий на полу в луже собственной крови.

Раскаянье...

— Я... это я убил ее. — Слезы текли сами собой. — Я это сделал! Она... она узнала, что я изменяю... она грозила мне разводом, и что оставит без копейки.

Девушка молча наблюдала, как я корчусь от душевных терзаний. Первый раз за все

время я признался в содеянном, и мне с каждым словом становилось легче. Я действительно убрал камень, терзавший меня с тех пор!

— Я не хотел, чтобы так вышло! Я ее только толкнул. Жена упала... и ударилась. Я бросился к ней. но уже было поздно. Слишком поздно! Я испугался последствий, и чтобы не подумали на меня, я вонзил ей в живот нож...

Моя голова поднялась, и первый раз за время раскаянья я взглянул на нее. Но укора или же презрения в мою сторону я не увидел. Девушка была чиста. Я видел в ней только сочувствие и сострадание.

— Я... я раскаиваюсь! — Крикнул я во все горло! Даже не боясь, что на крик придут тени, ведь рядом со мной была сама Богиня.

— Я хвалю тебя! — Улыбнулась девушка, коснувшись моего лица. — Я не ошиблась на твой счет! Светлая душа все еще жива! Оступиться мой каждый, понимаю! Но ты и сам это знаешь!

— И что мне делать дальше? — Выкрикнул я.

Она подняла меня, отряхнула от листвы и промолвила:

— Я благословляю тебя. — Она подарила мне улыбку. — Отныне ты под моей защитой.

— Значит... значит, я особенный?

— Так и есть!

С этих пор я часто общался с Богиней. Она мне рассказывала про свой мир, про обычаи, про свои увлечения. Мы говорили много, и я слушал ее с упоением. Даже с вожделением. В ответ я ей рассказывал, как живут люди, что такое телевидение, что такое видео игры или же футбол. Ей, как жителю иного мира, было интересно слушать про людей, про их жизнь. Мы часто делились самым сокровенным. И отныне меня больше никто не интересовал, кроме нее! Ведь я особенный! Меня благословила сама Богиня! А кто эти все людишки? Так, букашки, ничего не значащие. Пыль!

— Я рад, что ты со мной! — Признался я Ариане, так она мне представилась. Было в этом имени что-то неземное, что-то воздушное. — Я теперь все знаю. Я все понял про тебя и про этот мир, про саму планету. Мои глаза теперь широко раскрыты! и я все вижу!

— И как тебе здесь? — Улыбнулась она.

— Мой дом там, где ты!

— Уверен?

— На все сто процентов!

«Вы прибываете на планету P1375. Будьте осторожны, скоро корабль начнет входить в атмосферу, возможна легкая турбулентность, поэтому для собственной безопасности прижмитесь к креслам и расслабитесь».

Корабль начал заходить на посадку. По корпусу пошла легкая вибрация. Так всегда бывает, когдаходишь в атмосферу. Скоро все закончится, и мы окажемся на неизвестной планете, про которую говорила тетенька с экрана. Я рассчитывал отдохнуть на нарах год-другой, а тут из фешенебельных апартаментов меня хотят переместить на кукуую-то исследовательскую конуру.

— Эй-эй, Топтыгин! — Ко мне наклонился лысоватый мужичок небольшого роста и начал шептать на ухо. Правда, его шепот слышали все без исключения. — Как думаешь, что нас здесь ждет? — Говоривший пододвинулся еще ближе. — Никогда не думал, что стану исследователем, к тому же на зоне.

— Да что говорить, прилетим, увидим. — Пожал плечами я. — Мне больше лживая улыбка тетеньки с экрана не понравилась. Уж больно она сладко пела.

— Говорить она мастак, уж лучше она своему ротуку другое применение нашла. — Засмеялся жилистый, небольшого роста заключенный. — Для меня главное, что кормили хорошо. А поесть я люблю.

— Я бы от жареной курицы не отказался. — Мечтательно произнес толстяк.

Тем временем корабль приземлился, и всех нас выгнали наружу. Далее началась изнурительная процедура идентификации, которая продлилась больше трех часов. Что-то здесь было не то. Странное место давило на виски, от чего начала болеть голова. Это отметили все заключенные без исключения. Особенно мне не понравился работник реестра. Станный он. Как только таких здесь держат? Совсем с кадрами беда. Избавившись от ошейника и формы и одевшись в черно-зеленый комбинезон, нас повели в медкабинет. Здесь сидел молодой человек, который взял кровь и измерил давление. И в конце концов, нас повели в камеры. По пути я видел местных зеков. Даже один без руки был, но взгляд сердитый, повидавший жизни. Боец, значит.

Тут в меня врезался странный заключенный. Он постоянно горбился и что-то бормотал себе под нос. Так же на форме я заметил у него цифру один, хотя у меня был ноль.

— Эй, ты! Полегче на поворотах! — Повысил я голос. — Нарываешься?

— Вы здесь никто, — продолжал бормотать тот, кто врезался в меня. — Я все знаю! Никто не знает, а я знаю! Меня коснулась ее рука, и я получил благословение... это я убил... я.

— Эй, что это с ним? — Затронул я одного из конвоиров.

— Да это Мажор, бывший бизнесмен. — Буркнул охранник.

Мой взгляд снова вернулся на согнутого паренька:

— А как он в таком состоянии деловые переговоры вел? — Засмеялся я.

Конвоир лишь пожал плечами, мол, не знаю. Я проследил за странным бизнесменом и пошел дальше.

— Я особенный... я получил благословение... — доносились отрывки фраз до моих ушей. — ... я так рад... мы теперь вместе... я так рад.

Я рад...

